

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ПРЕБЫВАНИЯ В ГОЛЛАНДИИ: декабрь 1716 – апрель 1717

ОКАЗАННЫЙ ПЕТРУ ПРИЕМ

После того как датчане не захотели участвовать в совместной русско-датско-английской высадке на территории Швеции и операцию пришлось отменить, царь 6 (17) октября 1716 г. написал из Копенгагена своему послу в Гаагу:

«Господин подполковник! Понеже здешние господа обыкновенным своим медлением все дело опъравергли, того ради я, не имея дела более здес, буду в Голандию, о чем ежели уведает Статы [Генеральные штаты], то проси, дабы без всякой церемонии мой туды приезд был»¹.

22 ноября (3 декабря) князю Куракину было послано из Альтенау еще одно письмо, с повелением попросить у Генеральных штатов лошадей и почетного эскорта от голландской границы:

«Сиятельный, Нам любезноверный! Мы на сих днях намерены отсюды поход свой восприять в Галандию прямым сухим путем, чрез Бремен или Ген² до Деветера [Девентер], или Швола [Зволле], а подставы для Нас и Нашей свиты от Гановерскаго правительства в Бремене будут поставлены до Лангенских границ, а чрез Лангенскую землю будут Прусские до самых Галанских границ, и вам надлежит старатца исходатайствовать у Господ Стат, чтоб от тово места, где Галанския границы начнутца, по дороге в Линген³ чрез Галанскую землю лошади были розставлены, и ежели от Деветера или Шпола каналами до Амстердама итьти возможно, то б потребное число яхт и трекшетов и иных судов для людей и корет и возов свиты Нашей в тех местех приготовить, також дабы где потребно для безопасного проезду Нашего и эскорт определен был, и можете вы кого от себя к нам встрече в Линген послать, дабы мы известны были, каким трактом подставы для Нас в галанской земле розставлены, и которою дорогою Нам ехать, а поскольку подвод для Нас и Нашей свиты потребно, тому прилагается при сем роспись»⁴.

Неделю спустя посол ответил, что Генеральные штаты готовы дать и лошадей, и эскорт с тем, однако, чтобы платил за лошадей сам царь:

«При сем доношу Вашему величеству, что Статы указами своими повелят быть в тех поставках подданным своим с лошадьми готовыми, но за провоз оных имеет быть заплата от Вашего Величества, за всякую лошадь считаючи почему на час. Того для я желал ведать, как учинено дело другим потентатом, в приезде их сюды. И как король испанской, нынешней цесарь, так король пруской, и нынешней король аглинской, все платили подданным их от себя. И о сем донесши, оставляю в волю вашего Величества. А чтоб сие отправилось безо всякой конфузии, покорнейше доношу, чтоб указал Ваше Величество кому ехать за день, пред пришествием Вашего Величества, и на всякой подставе о заплате с подводчиками определять для того, что народ вольной, опасаясь, чтоб без заплаты поехали. Но я по моей повинности буду стараться, чтоб Господа Статы ту заплату на себя переняли, и ежели у них такого примеру прежде не бывало, то сомневаюсь»⁵.

Впрочем, очень скоро Куракин сообщил своему государю, что принимающая сторона все-таки согласна взять на себя и расходы на лошадей:

«Вчерашняго числа чрез отправленного куриера от 28го ноября доносил я, что по подставам за лошадей в проезде обыкновенно все платят, но сего дня говорил я о том с некоторыми и депутатов тех провинций, в которые будут подставы с лошадьми, и сказали мне, что де Царское величество указал по подставам для потешения подвотчиков пожаловать несколько дринкгельту [*гаевых*], и тем де будут довольствоваться»⁶.

Из расходной книги Петра видно, что за четыре лошади между Девентером и Амерсфортом было уплачено 26 гульденов 8 стюйверов⁷.

10 декабря Генеральные штаты постановили предоставить «Его Царскому Величеству» эскорт на всей территории страны, состоящий каждый раз из 24 рейтаров под командованием унтер-офицера, набранных из расквартированных поблизости полков. На провинцию Оверейссел приходилось четыре сменявших друг друга эскорта, на Гелдерланд два (один в городе Апелдорн, другой в Вортхёйзене), на провинцию Утрехт два (в Амерсфорте и на полпути в Нарден) и собственно в Голландии один, в Нардене⁸.

После посещения Петром Амерсфорта оттуда были поданы Генеральным штатам счета за то, что при проезде «великого царя Московского» через город и округ повсюду звонили в колокола Большой церкви (по 3,2 гульдена) и Малой церкви (тоже по 3,2 гульдена).

А также счет за «предоставление лошадей к услугам Его Царского Величества при его проезде через этот город». Всего было выделено 70 лошадей. За визитом последовала длительная переписка по поводу неоплаченных счетов. Еще 24 июня 1717 г. город Амерсфорт в обращении к Генеральным штатам указывал на свои «чрезвычайные усилия, приложенные для снабжения Его Царского Величества и его свиты лошадьми», и настойчиво просил поскорее уплатить всем, кому следовало, чтобы «мы могли освободиться от этого неудобного положения»⁹. Также в Утрехте жаловались на «неоплату лошадей и иных необходимых расходов, связанных с перевозкой Его Царского Величества», а равно и за «стрельбу из пушки и другие подобающие почести». Денег за свои услуги ждали не только церковные сторожа, звонившие в колокола, но и секретари муниципалитетов, ведь они «день и ночь рыскали, дабы в своем округе получить лошадей».

Приезд властителя России вызвал, разумеется, огромный интерес местной прессы. Когда-то Петр работал на верфях Зандама и Амстердама как скромный плотник, ученик голландских мастеров, ныне же в гости ждали героя Полтавы, победителя шведского короля, с которым русский царь, быть может, уже скоро заключит выгодный мир. Газета «*Амстердамсе Курант*» 12 декабря сообщила:

«Князь Куракин, чрезвычайный посол царя Великой России, получил позавчера известие, что Его Царское Величество готовился отбыть из Гамбурга в Голландию, с повелением просить у Высокомочных [Генеральных штатов] эскорт из рейтаров на границах сего государства. Упомянутый посол отослал вечером к Его Царскому Величеству курьера и отправляется завтра встречать Его Величество».

В своем предпоследнем номере за 1716 г. «*Опрыхте Харлемсе Курант*» добавила к этому, что встречать царя посол будет за Девентером. Еще более осведомленной показала себя амстердамская «*Эйрописе Меркюриус*»: в ноябре она написала, что на переговорах с глазу на глаз с королем Пруссии в Хафельберге русский монарх известил своего собеседника о намерении побывать в Голландии и вернуться через два-три месяца в Германию, в мекленбургский Шверин¹⁰.

Пристально следили за переездами Петра и иностранные газеты. Согласно франкоязычной «*Релясьон Веритабль*» от 8 декабря (она издавалась в Брюсселе, в Австрийских Нидерландах), царь покинул «при троекратном залпе крепостных пушек, отправившись в Голландию, откуда он, как говорят, возвратится в Альтону [город около Гамбурга] через четыре недели, а когда царица разрешится от бремени, он заедет в Москву». В «*Антверпсе Пост-Тейдинге*», выхо-

дившей в Антверпене на нидерландском языке, в номере за 22 декабря мы читаем:

«Царя Московского ожидают здесь [в Гааге] через 2–3 дня, и в апартаментах князя Куракина, где он остановится, проведены необходимые приготовления к его встрече. Говорят, что во время пребывания сего государя речь будет идти о заключении мира на Севере».

Отсюда видно, что точного плана поездок гостя из России никто не знал. Его визит в Голландию считался лишь кратковременным. По мнению немецких газет, второе заграничное путешествие Петра было путешествием в Германию для лечения на водах¹¹. Газета «Хамбургер Реляционс-Куир» 7 апреля и 10 ноября 1716 г. ссылалась на слова русских в Париже, утверждавших, будто их государь намерен провести зиму во Франции, «дабы осмотреть все морские порты этой державы», а затем даже «отплыть из Тулона в Барселону, чтобы объехать также Испанию, вернуться через Италию, пересечь Адриатическое море и через Венгрию и Польшу вновь прибыть в свою страну»¹².

В отличие от «Великого посольства» 1697–1698 гг. второе путешествие Петра на Запад освещалось в немецкой прессе намного более позитивно, хотя и на этот раз не обошлось без сарказма: «Были ли сей необычный и затянувшийся визит господам голландцам столь же мил и приятен, как тот другой, угадать было невозможно, — писал некий К.Г. Хоффманн в лейпцигской газете “*Oйропейше Фама*”, — а еще менее было слышно, чтобы они Его Царское Величество при его отъезде просили как можно скорее в Голландию возвратиться»¹³.

Сразу после того, как Петр покинул Германию, фактический правитель Голландии великий пенсионарий Хейнсийус получил из Берлина донесение с пикантными подробностями о пребывании его будущего гостя в Альтоне:

«...Не в состоянии противиться очарованию дочери одного лютеранского пастора и не сумев тронуть ее своими ухаживаниями, царь осыпал ее дорогими подарками и даже присвоил ей титул графини, чтобы только она его послушала»¹⁴.

Едва посол Куракин известил Хейнсийуса о предстоящем визите, тот, в свою очередь, написал об этом в начале ноября члену городской управы Амстердама Маттьё Лестевенону (1674–1743) и голландскому послу в Дании Роберту Гусу (1652/1653–1724)¹⁵. На слова Хейнсийуса (в письме от 10 октября 1716 г.), что «такой мудрый и рассудительный государь, как царь <....> ничего не делает без причины»¹⁶, Гус 14 ноября откликнулся скептически:

«О его намерениях можно только гадать, поскольку при его дворе всё держат в секрете». Так, датский король, продолжал Гус, не получил точных сведений о том, когда и по какому маршруту гость из России проехал Гольштейн, а «король Англии, как и курфюрст Ганноверский, приведен в крайнее смущение действиями и замыслами царя». «Когда он отсюда [из Копенгагена] уезжал, он, как казалось, явно давал понять, что направится в Голландию. Его министры говорили об этой поездке без всякой определенности. Насколько же уверенно можно судить о замыслах сего государя...?»¹⁷

Очевидно, Петр и сам не был уверен в своих планах или хотел, чтобы дело выглядело так. Например, 2 апреля 1717 г. он даст знать своему вице-канцлеру Шафирову:

«Что же пишете, куда вам приезжать, и приезжайте во Фландрию, ибо чаю и праздник [Пасху] тут взять. Намерение мое есть во Францию. Однакож посмотрю, когда буду идти из канала Мардикского»¹⁸.

А 22 апреля газета *«Амстердамсе Курант»* поместила сообщение из Парижа о том, что там пребывают в сомнениях, приедет ли высокий гость в этот город, «ибо получено было известие, что его любопытство обычно ограничивается осмотром морских портов и потому он через Дюнкерк и Мардик проследует в Кале и что он еще не принял твердого решения, приедет он сюда или нет». Французский посол в Гааге маркиз де Шатонёф знал о разногласиях в окружении Петра относительно визита во Францию и 10 апреля доносил в Париж:

«Г-н Шафиров всегда был против поездки царя во Францию и все еще намерен предпринять последнюю попытку его отговорить, приводя тот резон, что король не вступит с царем в союз. И что, однако, все будут думать, что царь поехал во Францию для заключения союза с королем. И что это умалило бы достоинство царя...»¹⁹

Британский посол в Гааге тоже мог лишь догадываться о замыслах августейшего путешественника. 25 декабря он написал в Лондон: «Царь по-прежнему в Амстердаме, и полагают, что он оставил намерение поехать во Францию»²⁰. 5 января 1717 г.: «Есть мнение, что его вояж во Францию полностью отменен»²¹. 16 апреля, располагая сведениями более подробными, британский посол доложил, что Петр собирается провести три недели в Ахене, и не без тревоги добавил: «Некоторые думают, что эта поездка включает в себе нечто большее, нежели простое желание поправить здоровье на водах»²². Немногим лучше была информирована газета *«Антверпсе Пост-Тейдингс»*. 6 апреля: «В минувший вторник царь отбыл из

Роттердама, после чего он посетит некоторые другие города Голландии и Зеландии, и идут разговоры о том, что заедет также во Фландрию и Брабант [в Австрийских Нидерландах], с тем чтобы в мае попользоваться водами в Ахене».

Но вернемся к приезду Петра в Голландию. В «Резолюциях» Генеральных штатов есть упоминание о визите посла Куракина к «господину ван Хёкелому», дабы тот осведомил Генеральные штаты о намерении Петра посетить Республику Соединенных Провинций. А в «Резолюциях» провинциальных штатов Голландии и Западной Фрисландии можно найти постановление от 26 ноября 1716 г. о том, чтобы «Его Царское

Величество приветствовать, встречать и оказать ему всякого рода почести и учтивость»²³. Генеральные штаты попросили Куракина передать: «Прибытие Его Царского Величества в нашу страну будет Высокомочным приятно»²⁴.

Была образована комиссия, которой предстояло организовать встречу высокого гостя и его сопровождение. В комиссию вошли депутат Генеральных штатов Арнольд Йост ван Кеппел, он же граф Албемарл (1670—1718)²⁵, бургомистр города Дордрехт Хьюго Репелар (1676—1727) и бургомистр Амстердама Геррит Хендрикзон Хофт (1649—1717)²⁶. Бывшему бургомистру Амстердама, старому другу русского государя Николасу Витсену, по словам его биографа, очень хотелось, чтобы городские власти «вновь воспользовались бы его личным знакомством с царем и излюбленными представлениями последнего». Однако новому бургомистру это, похоже, совсем не нужно было, тем более что на этот раз Петр прибыл не для постройки судов, как в прошлый свой приезд, и без старика Витсена вполне можно было обойтись²⁷.

27 ноября власти города Алкмар послали Хейнсиюсу протест в связи с тем, что в состав комиссии включили члена городской управы Алкмара Яна Лодевейка ван Кинсхота (1664—1725), кото-

Питер Схенк. Портрет графа Албемарла

рый, однако, в тот год должности бургомистра не занимал²⁸. Письмо с требованием заменить его правящим бургомистром города было выдержано в тоне самом решительном, но успеха не имело: Ян Лодейк ван Кинсхот в комиссии остался.

В официальном путевом дневнике Петра его отъезд из Германии и прибытие в Голландию описаны так:

«После обеда ехал 4 мили и прибыл против 29-го числа в город Бремен, где того города магистрат зело радостно и ласково его величество принял и встречали с великою церемониею и стрельбою пушечною и из мелкого ружья (и многия в городе говорили про его царское величество, что сей наш избавитель прибыл к нам). И хотя они всеми мерами тщились его царское величество веселить фейрверком <так!> и протчими забавами, однакож его величество поспешил в Галандию и поутру 29-го числа на рассвете паки поехал и прибыл на границу галанскую. И тут против 30-го числа в деревне начевал и того ж числа к ночи </> прибыл в Девентер, галанской город, которой в Фрисланской провинции </> первой. И тут декабря на 1 число ночевал за городом»²⁹.

Не говоря уже о том, что Девентер находится не во Фрисландии, а в провинции Оверейссел, странно, что официальный путевой дневник датирует приезд Петра в Девентер 30 ноября (11 декабря), тогда как в «*Походном журнале*» говорится о 3 (14) декабря. 13-го по новому стилю царь ночевал в городке Гор, и это согласуется с датировками в письме, которое комиссия, назначенная для его встречи, послала 15 декабря Хейнсиюсу. В письме сообщается, что царь утром отбыл из Девентера в Нарден и что князь Куракин попросил направить туда шесть яхт³⁰. Путешествовать из Нардена в Амстердам предстояло по воде, по тогдашнему заливу Зейдерзе.

В Городском архиве в Девентере можно найти постановление местного муниципалитета от 13 декабря о том, как встречать Его Царское Величество, когда он «будет проезжать через этот город». Слово «проезжать (passeren)» означает, что в Девентере монарх не останавливался. Поэтому-то в архиве не обнаружено никаких указаний на какие-либо расходы городской управы в этой связи³¹. В Национальном архиве в Гааге хранится письмо, посланное 16 декабря из Нардена. В нем Хейнсиюсу докладывают, что царь двумя днями раньше приехал в Девентер, однако переночевал не там, а за городом, на постоялом дворе, куда его и явились приветствовать городские власти³².

В путевом дневнике Петра мы читаем:

«И потом пока поехал и прибыл в Амсфорт [Амерсфорт] 2-го числа к ночи, где встретил его величество посол князь Куракин, резидент Христофор Брант <так!> с прочими. И в Амсфорте его величество начевал и 3-го числа тут обедал, потом ехал на Утрехт»³³.

Согласно «*Походному журналу*», из Девентера Петр проследовал в Ло (Het Loo), затем через Амерсфорт в Нарден, а оттуда в Амстердам. В Нарден были направлены шесть яхт — «ожидать прибытия Его Царского Величества»³⁴.

Вот как описано в путевом дневнике прибытие в крупнейший город страны:

«И декабря в 6 день его величество прибыл в Амстердам с малыми людьми свиты своей, а в 7 день приехали в Амстердам министры его величества и генералитет, и имянно: министры канцлер граф Головкин, подканцлер барон Шафиров, тайной советник Петр Толстой, генералы-поручики князь Василей Долгорукой, Иван Бутурлин, чрезвычайной посол, бывшей тогда при Генеральных Статах, князь Куракин и протчие дому его царского величества служители»³⁵.

Комиссия, которую обо всех передвижениях гостя информировал агент царя Йоханнес ван ден Бюрг, со своей стороны, доложила Хейнсиусу 17 декабря, что властитель России около четырех часов въехал в Амстердам «частным образом», т.е. без официальной встречи, и поселился в доме Кристоффеля Брантса. Через ван ден Бюрга посол Куракин передал в Гаагу: его государь надеется, что депутаты от Генеральных штатов придут его официально приветствовать на следующее утро в половине десятого³⁶.

В записках современника, жителя Зандама Яна Корнелисзона Номена, которые здесь цитируются в опубликованном в 1904 г. русском переводе, развитие событий изложено так:

«Господа штаты Голландии и Фрисландии, получив достоверное известие, что его царское величество намерен посетить наше государство и, между прочим, Гагу <так?>, выбрали из своей среды четырех депутатов для встречи и приветствия царя в Дефентере. Однакоже, его величество прибыл 17-го декабря в Амстердам, где его и приветствовали эти депутаты с бургомистрами города, причем они ему предложили остановиться со своей свитой в городском дулене [Kolveniersdoelen, Двор гильдии аркебузирив]. Но он держал себя так же просто, как и 19 лет тому назад, когда он был здесь плотником, и остановился в доме г. Брандта [Брантса]»³⁷.

Двор гильдии аркебузирив в центре Амстердама служил некогда стрельбищем, но с тех пор как амстердамские стрелки утратили в середине XVII в. свое значение для обороны города, их великолепную усадьбу стали использовать для приемов и банкетов, а также как покои для высокопоставленных гостей. Однако Петр отверг предложенное ему жилье и остановился у своего агента Осипа Соловьева. По словам Номена, царь потом отобедал в доме Кристоффеля Брантса, «имевшего большия торговля дела в Москве».

У Брантса «его и его свиту прекрасно угощали». Но вначале Петр так долго и оживленно с другими гостями разговаривал, что все присутствующие сильно проголодались, и хозяин дома вынужден был, собравшись с духом, спросить Его Величество, можно ли начинать обед. Как пишет Номен, царь мало заботился о дипломатическом этикете: «Некоторые господа говорили с ним с изысканною вежливостью, и он заметил: будем лучше говорить как плотники»³⁸.

Своей первой встречей с Петром Алексеевичем члены комиссии, судя по их донесению великому пенсионарию Хейнсиюсу, остались довольны: «После того как мы получили у Его Царского Величества аудиенцию и были им приглашены на обед, мы были приняты им пополудни самым учтивым образом»³⁹. 18 декабря они же сообщили Хейнсиюсу о переданном им Куракиным пожелании царя, чтобы при приеме им депутатов от Генеральных штатов был произведен пушечный залп, что и было осуществлено, и депутаты произнесли положенное приветствие, на которое монарх отвечал со всей любезностью и учтивостью⁴⁰.

Из официального путевого дневника Петра, с искажением многих имен голландских сановников:

«По прибытии его царского величества в Амстердам от Генеральных Статов присланы к его величеству с поздравлением о пришествии к ним его величество от шляхетства генерал от войск галанских граф Албемарло, да магистрату амстердамского президент Гоп и еще при них два человека, Лепелар, Коншот, секретарь тех депутатов фон Эк, из бургомистров, которые во всю бытность его царского величества были тамо депутатами»⁴¹.

АМСТЕРДАМ

В «*Походном журнале*» содержится краткий отчет о том, как прошел день 20 декабря: «Его величество был в Ратуше, и был в цегоусе [цейхгаузе] и куншткаморе с Штадами [Штатами], и на башне»⁴². В тот же день члены комиссии доложили великому пенсионарию, что имели счастье сопровождать высокого гостя при осмотре им амстердамской ратуши⁴³. Ратуша несомненно произвела на Петра должное впечатление. Великий герцог Тосканский Козимо III Медичи за полвека до него посещал это здание дважды и назвал его «изумительным по своим размерам и архитектуре»⁴⁴. В XVII в. подобных монументальных сооружений в Голландии еще не строили, поэтому ратушу воспринимали как восьмое чудо света. Такое же восхищение сквозит в отзыве царского посла Куракина: «Ратуша, которая сделана вся из камня белая, и великая и в ней резные штуки так, которая в свете первая считается»⁴⁵.

Ратуша была не только местом заседаний городской управы, но и воплощала в себе политические притязания города. Возведена она была после заключения Вестфальского мира (1648), по которому Республика Соединенных Провинций получила международно-правовое признание в качестве независимого государства. Ожидалось, что мир принесет амстердамской торговле невиданный прежде расцвет, и потому город заявлял о себе не просто как о торговом центре, а как о центре мироздания. Иконографическая программа оформления интерьеров ратуши выражала представление об Амстердаме как центре вселенной, с изображением карт мира и звездного неба, аллегориями четырех природных стихий и богов-символов известных в то время планет. «Все созданное Богом было как бы собрано воедино в этом городе. <...> Амстердам был центром Божьего творения, пупом Земли»⁴⁶.

Кунсткамера, упомянутая в «Походном журнале», была обустроена в ратуше значительно позже постройки здания, только в 1699 г. А «башня», на которую взбирался Петр, — это, возможно, Схрейерсторен на набережной Гелдерскаде, одна из оборонительных башен, составлявших часть городской стены, единственная сохранившаяся в столице Нидерландов до нашего времени. Раньше эта башня называлась Схрайерсхукторен (Schrayershoucktoren), «Остроугольная башня», поскольку стена образовывала в этом месте острый угол. Но народная этимология связывает ее нынешнее название (Schreierstoren) с глаголом schreien, плакать: у этой башни на пристани женщины, рыдая, прощались со своими мужьями, отплывавшими за море на судах Ост-Индской компании. Отсюда в 1609 г. пустился в плавание, к примеру, Генри Гудзон, точнее Хадсон, который в поисках кратчайшего пути в Азию обследовал восточное побережье Северной Америки. Конечно, не исключено, что Петр поднялся не на эту башню, а на Монтелбансторен, тоже стоявшую у самой воды и притом близ Арсенала (сегодня Музей мореплавания), который гость из России тоже посетил. Однако Монтелбансторен, с ее колоколами и курантами, служила не для обороны, а скорее для украшения, так что в военном отношении башня Схрейерсторен была для Петра гораздо интересней⁴⁷.

Городские власти, как пишет амстердамский историк-краевед XVIII в. Ян Вагенар, устроили для Его Величества 21 декабря дневной прием в театре и что-то вроде второго завтрака⁴⁸. Согласно газете «Эйрописе Меркюриус», «в понедельник 21-го досточтимый магистрат угостил его в театре подобающей закуской»⁴⁹, т.е. неким холодным блюдом. Из книги Якобюса Схелтемы мы узнаем любопытные подробности. В театре давали трагедию Йоста ван ден Вондела «Гейсбрехт Амстердамский». Учтивостью отцов города Петр остался доволен, однако с куда большим энтузиазмом принял их

предложение сопровождать его на следующий день «на верфи Адмиралтейства и Ост-Индской компании»⁵⁰.

В составленном позднее официальном путевом дневнике визит в театр не упомянут, как, кстати, в дальнейшем и присутствие Петра на представлении трагедии Корнеля в Маастрихте. Русских гостей это, очевидно, мало впечатлило. В «Походном журнале», который вели в ходе поездки, есть запись от 21 декабря о том, что государь «был в комедии арлекин»⁵¹. Речь могла идти о каком-нибудь фарсе или комедии масок, но никак не о трагедии Вондела. Да и трудно себе представить, чтобы Петр понимал богатый литературный язык великого голландского поэта. О том, насколько царь вообще владел нидерландским, мнения расходятся. Во всяком случае, голландский путешественник Корнелис де Бруин, точнее де Брёйн, встречавший его в России, вспоминал:

«Все это государь высказал по-голландски и пожелал, чтобы я и дальше говорил с ним на этом языке, ведь он заверил, что очень хорошо меня понимает. Чему он и дал полное подтверждение, когда слова мои пересказал русским господам из его свиты с такой точностью, что присутствовавшие там резидент и другие голландские господа не могли этому надивиться»⁵².

Трагедию «Гейсбрехт Амстердамский» Вондела впервые поставили в 1637 г. по случаю открытия в Амстердаме первого постоянного театра. Действие происходит в этом же городе около 1300 г.: его осаждают жители окрестных деревень, подозревающие Гейсбрехта в причастности к похищению и убийству графа Голландии Флориса V. После тяжелых боев Гейсбрехту ничего не остается, как вместе с женой и детьми отправиться в изгнание. Пример смирения и упования на Бога в трудные времена, образ главного героя должен был напомнить публике XVII в. недавнюю войну с испанцами за независимость с осадами городов и стойкостью голландцев-кальвинистов. В финале пьесы архангел Рафаил предрекает Амстердаму процветание и могущество. В предисловии Вондел восхваляет «мудрое правление нынешних бургомистров, которые общее благо ставят выше собственного и не стремятся ни к какой войне, кроме той, которая ведется ради мира».

Видимо ради этих похвал амстердамским властям отцы города и привели царя Петра на трагедию о Гейсбрехте. С XVII в. вплоть до XX-го ее ставили в амстердамском театре ежегодно, под Новый год. Сменялись эпохи, пишет восторженно специалист по сценической истории этой пьесы Бен Альбах, театр освещали сначала свечи, потом газовые лампы и, наконец, электричество; зрители подъезжали в каретах и портшезах, позднее в экипажах более современных, в автомобилях... «Самые разные знаменитости видели на под-

*Якоб ван Мейрс. Ост-Индский дом.
Гравюра. 1662*

мостках этого амстердамского героя: от Петра Великого до королевской семьи в наши дни»⁵³.

22 декабря царю по его просьбе, как докладывали Хейнсиюсу члены комиссии, предоставили возможность осмотреть Ост-Индский дом, а после обеда ковроткацкую мануфактуру. Хотя в тот день Петру было угодно выйти в свет «частным образом», принимали его повсюду со всей любезностью, и это, как отметила комиссия, Его Величеству чрезвычайно понравилось⁵⁴.

Ост-Индский дом в центре Амстердама был штаб-квартирой одноименной компании, крупнейшего транснационального предприятия той эпохи. Здесь заседала ее главная дирекция, здесь нанимали моряков и иных служащих, здесь же хранили архивы и карты. Купив в 1661 г. остров Остенбюрг, Ост-Индская компания оборудовала там огромную лесопилку и 500-метровое устройство для плетения канатов. У воды выросли три больших стапеля для строительства судов. Особенное впечатление производил пятиэтажный склад компании, длиной в 177 метров, где хранили ценные товары из Азии. Внизу была мясобойня, в одном из чердачных помещений — парусная мастерская. Позади склада располагались другие мастерские и ангары. Поблизости от верфи, в просторном служебном доме, жил управляющий. Неподалеку поселили и плотников, куз-

нецов, изготовителей парусов и прочих работников, общим числом более тысячи человек.

В середине XVII в. на тот же остров Остенбюрг и соседний Каттенбюрг⁵⁵ перенесли верфи Адмиралтейства. В адмиралтейском арсенале лежали колоссальные запасы корабельного леса, канатов, парусов, якорей, пушек, всякого рода ружей, фонарей, компасов и песочных часов. Нет сомнений, что великий «мореплаватель и плотник» мог тут поистине отвести душу. Под 13 (24) декабря «Походный журнал» сообщает: «Его величество был во Адмиралтействе и кушал у Галанца [голландца] Вилима»⁵⁶. Это, несомненно, Якоб де Вилде, генеральный приемщик Адмиралтейства, владелец впечатляющего собрания картин, античных монет и т.п.

Ост-Индский дом был одной из важнейших достопримечательностей Амстердама. Путешественников поражали запасы экзотических товаров, свидетельствовавшие о несметных богатствах компании, но не меньший интерес вызывала и коллекция привезенного из далеких краев туземного оружия: копья, щиты. В Большом зале, где заседала дирекция, приковывали к себе взгляд развешанные по стенам карты и картины, изображавшие заморские территории. Иностранцы дивились голландской предприимчивости и умению торговать⁵⁷.

Ян Корнелизон Номен рассказал в своих записках о встрече Петра на верфи Ост-Индской компании с женой мастера Питера Поля, которого царь знал еще с тех пор, как сам учился в Амстердаме строить корабли:

«Точно так же как 19 лет тому назад, он и на этот раз осматривал магазины и верфи, принадлежавшие государству и Ост-Индской компании. Когда он пришел на верфь, его увидела жена старшего мастера Поля; она побежала к нему на встречу *<так!>* и сказала: “добро пожаловать, мастер Питер!”. На это он ответил: “откуда ты меня знаешь?” Она возразила: “мейнер [сударь], 19 лет тому назад вы часто бывали в нашем доме и обедали за нашим столом; ведь я жена мастера Поля”. Тогда он обнял и поцеловал ее очень любезно. Затем пришел младший мастер этой верфи и тоже воскликнул: “добро пожаловать, мастер Питер!” Он опять спросил: “откуда ты меня знаешь?” и тот ответил: “19 лет тому назад мы с тобой, вместе с другими, строили здесь корабли”. Тогда он обнял и поцеловал его сердечно. Питер Эйп, плотничий мастер на верфи Бревера в Ост-Зандаме, который тоже в течение нескольких лет состоял на службе у царя в Московии и помогал при постройке кораблей, посетил теперь, в конце декабря 1716 г., его царское величество в Амстердаме и провел с ним более трех часов в дружеской беседе; царь, между прочим, сказал Питеру Эйпу: “надеюсь еще раз побывать в Зандаме, чтобы посетить старика Калфа, т.е. Корнелиса Михильса Калфа, и тогда я тоже буду у вас на вашей верфи и посмотрю корабль, который вы теперь кончаете”»⁵⁸.

Цейхауз Республики. Гравюра

Поведал Номен и еще об одной встрече на верфи:

«На прошлой неделе царь был в Амстердаме на верфи адмиралтейства у мастера Яна Йелиссона фан Ренена и, между прочим, сказал ему: “дай мне хороший кусок дерева, я вырежу тебе кое-что на память”. Ему дали желаемый кусок дерева, он же начал работать циркулем, топором и долотом и сделал очень хорошенькую маленькую яхту, которой восхищались все, кто имел случай ее видеть».

Так что посреди официальных визитов и приемов дипломатов Петр находил еще время для своего любимого хобби: вытачивания деревянных вещей.

«На прощанье он обнял мастера, поцеловал его и подарил ему 11 серебряных монет с изображением его царского величества; кроме того, он сделал ему еще какой-то большой подарок, ценность которого мастер не желал сообщить»⁵⁹.

Другим старым знакомым Петра был Ян ван дер Хейден (1637–1712). Человека, который еще в 1672 г. представил публике придуманный им пожарный насос, а в 1690-м вместе с сыном опублико-

вал подробное описание своего изобретения, с многочисленными иллюстрациями собственного изготовления (книга посвящена тогдашнему бургомистру Амстердама Николасу Витсену)⁶⁰, русский государь семь лет спустя не только посетил, но и уговаривал отправиться с ним в Россию. На это изобретатель не пошел («Любовь к отечеству взяла в нем верх», — пишет Схелтема⁶¹), зато продал царю несколько пожарных насосов по цене 385 гульденов каждый. Когда Петр через 20 лет вернулся в Голландию, старика уже не было в живых, но есть данные, что царь побывал у его сына Яна⁶².

Ковроткацкой мануфактурой, которую Петр осмотрел в тот же день 22 декабря, могла быть мастерская фламандца Александра Барта. Немецкий специалист по истории коврачества называет ее «ведущей амстердамской мануфактурой начала XVIII в.»⁶³. Барт, уроженец Ауденарде, в нынешней Бельгии, с 1698 г. работал в голландском городе Гауда. У него на родине, в Южных Нидерландах, тогда еще Испанских, а затем Австрийских, изготовителям ковров приходилось все труднее — из-за войн и протекционистской политики Франции, которая защищала интересы основанной в 1664 г. королевской мануфактуры настенных ковров в Бове. В Голландии можно найти немало изделий мастерской Барта. Нет никаких сведений о том, что Петр у Барта что-либо заказал, хотя для строившихся в те годы дворцов в его любимом Петербурге настенных ковров требовалось, конечно, очень много.

Добавим, что под 27 декабря *«Походный журнал»* кратко сообщает еще об одной вещи в Амстердаме, вызвавшей интерес у царственного путешественника: «Его Величество дома слушал часы, и кушал у мещанина Дикермона»⁶⁴. Если имелся в виду карильон — музыкальный инструмент с набором специально настроенных колоколов, соединенных механическим приводом с клавишным механизмом, то недалеко от того места, где Петр остановился, находится башня Мюнтторен с карильоном работы лучших в то время в Голландии литейщиков колоколов братьев Франсуа и Питера Эмони. Они же изготовили карильон на башне ратуши, воспетый самим Вонделом⁶⁵. Впрочем, Петр мог слушать и колокола, которые демонстрировал зашедший к нему торговец ими.

За передвижениями главного противника Швеции внимательно следил в Голландии секретарь шведского посольства Йоаким Фредерик Прейс. Из его регулярных донесений правительству, которые уже в XIX в. были изданы в русском переводе, явствует, что он за гостем из России буквально шпионил. В начале января 1717 г. Прейс передал в Стокгольм:

«В ожидании он убивает время, занимаясь разными наблюдениями, преимущественно над всем тем, что относится к кораблестроению. Что касается до его личности, то он носит черный поно-

шенный кафтан, сверх кафтана надет кортик (охотничий нож). Парика он не носит, а собственные, черные, лоснящиеся волосы гладко причесаны и без пудры. На голове простая русская шапка».

11 января Прейс написал другому шведскому дипломату, барону Гёртцу, в Париж: «Его визит начинает уж прискучивать. Что же будет месяца через два!»⁶⁶

БОЛЕЗНЬ ЦАРЯ

Как «*Походный журнал*», так и более поздний официальный путевой дневник упоминают о том, что вскоре после Рождества 1716 г. государь заболел⁶⁷. Современник тех событий Ян Корнелизон Номен в своих записках объясняет дело так:

«После этого он был на несколько недель сражен болезнью и недомоганием. Некоторые приписывают это тому, что он заходил в несколько недозволенных гаваней; другие говорят, что слишком много выпил, третьи считают, что дело и в том, и в другом. Сам я высказываться об этом не буду, так как достоверных сведений не имею»⁶⁸.

В старом русском переводе записок Номена приводимые им предположения сильно смягчены:

«Затем он несколько дней был болен. Одни говорят, что он побывал, где не следует, другие же, что он лишнее выпил...»⁶⁹

Комментируя эти строки Номена, Схелтема ограничивается следующим суждением:

«...Болезнь, приписываемая причинам, которые, если соответствующей действительности, могли бы служить доказательством справедливости его жалоб, *это ему трудно было самого себя обтесать*»⁷⁰.

По поводу возможной встречи между Петром и британским королем Георгом I французский посол в Гааге маркиз де Шатонёф сообщил в Париж:

«Увидятся ли эти два государя, еще неясно. Царь, вероятно, будет не в состоянии из-за геморроидальных шишек, которые вызваны двумя случаями чрезмерной неводержности, последовавшими почти один за другим...»⁷¹

5 января британский посол доложил в Лондон:

«Царю нездоровилось последние три или четыре дня. Полагают, что недугу этому способствовали известия о разрушении недавним штормом мола в Ревеле и то, что его идея занять в Амстердаме денег едва ли осуществится»⁷².

Гораздо более позитивное объяснение болезни Петра мы находим в хранящемся в архиве Петербургского отделения РАН письме амстердамского издателя Луи Ренара (1678—1746), который по поручению царя покупал для него книги и помогал советами послу Куракину⁷³. 7 февраля 1716 г., за год до приезда Петра в Республику Соединенных Провинций, Ренар написал по-французски голландскому резиденту в Петербурге Якобу де Би:

«Этот государь потрудился головой за десять и за двадцать лет больше, чем двадцать величайших монархов, которых только знает история, за сто лет. Его Азов, его Петербург, его каналы, его флот, его мануфактуры, его гражданские и военные установления, его переписка со всем светом и еще тысячи дел, которые вы знаете лучше, чем я, и которые изнуряют дух и тело, – вот источники его болезни»⁷⁴.

ПЕРВЫЙ ГОЛЛАНДСКИЙ РУССКИЙ

В декабре 1716-го амстердамская «*Эйрописе Меркюриус*» поместила несколько строк о первых неделях пребывания «московского царя» в Голландии. Помимо того, что мы уже знаем из других источников, есть в газете и любопытные подробности:

«Говорили, что он вставал рано утром и в сопровождении всего двух-трех человек, а подчас даже один, ходил по *Амстердаму*. Несмотря на то, что зачастую было еще темно, он в той или иной лавке осматривал какие-либо красивые вещицы. Когда же рассветало, возвращался к себе в апартаменты. Было неясно, как долго этот монарх останется в Амстердаме, однако он, несомненно, хотел подождать здесь царицу, свою супругу, прежде чем отправиться в *Гаагу*. Это даст нам в следующем выпуске “*Меркюриуса*” дальнейший материал для описания»⁷⁵.

Наступил январь 1717 г. — и газета продолжила:

«В конце минувшего года провинцию *Голландию* почтил своим визитом *московский* царь, который своим первым местом пребывания избрал *Амстердам*. О догадках, выдвинутых по поводу появления этого монарха, мы не можем оповещать, предоставляя их времени и продолжениям этого “*Меркюриуса*”»⁷⁶.

И дальше:

«Уже описав кратко в конце нашего предшествующего сообщения прибытие в наши края *московского* царя, обратимся к приезду царицы. Ее Величество, продолжая свое путешествие из *Гамбурга* в Соединенные *Нидерланды*, прибыла в начале января в Везель. Поскольку она была уже на исходе своей беременнос-

ти, то, дабы облегчить ей дальнейшее движение, Высокомочные [Генеральные штаты] прислали ей туда несколько судов. Она взошла на борт яхты господ депутатов, но, пробыв на ней чуть меньше трех часов, почувствовала схватки и вернулась в *Везель*. Там она 13-го пополудни родила царевича, который вечером скончался. В это время Его Царское Величество еще находился в *Амстердаме*, так как заболел, но вскоре поправился»⁷⁷.

Из официального путевого дневника Петра:

«А ее величество государыня царица в то же время изволила иметь свой путь от Шверина до Везеля на Беценбурх, на Линебурх, на Гамбурх, на Нейштат, на Минден, на Эрфорт, на Мильфелд, на Липштат, и прибыла в Везель декабря 30 числа»⁷⁸.

Петр оставил Екатерину в Германии, ведь в ее положении невозможно было ехать так же быстро, как ему, торопившемуся поскорее добраться до Амстердама. Царица следовала за мужем, как об этом подробно извещала пресса. Еще 13 января он из Амстердама написал жене:

«Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здрафъствууй !

Письмо твое я чрез Толстова получил, і хотя ты меня обнадеживаешь, чему і верю і не верю. Дай милостивоі Боже тебе здорово разрешитца от бремене, дабы по милости своей сим наградил моі печали. Я рад бы сам вместо сего письма к вам ехать, і чаял бы застать; но понеже сухим путем ныне не могу, ібо пред несколькими днями чечюй [геморрой] явился; аднакож чаю скоро свободы, і поеду к вам. Дай Боже, чтобы сие письмо вас уже разрешенных застала, чего в олтерации своей і радости дожидаясь по вьса часы.

Петр»⁷⁹.

В том же письме он добавил, что его лейб-медик Эрскин послал в Везель голландского врача⁸⁰. Компетентный врач-специалист был, безусловно, необходим, ведь лейб-медик царицы обладал скорее светскими достоинствами, нежели профессиональными. Йоханн Херман Лесток (1692—1767) был сыном выходца из Франции, который после отмены там Нантского эдикта и возобновившегося преследования гугенотов поселился близ Ганновера. Как бывало в ту эпоху, Лесток трудился то цирюльником, то хирургом. В 1713 г., движимый честолюбием, он поступил на русскую службу. И Петру, и Екатерине он нравился как хорошо воспитанный, а главное веселый собеседник, поэтому они взяли его с собой в заграничное путешествие. Вся карьера Лестока в России связана с авантюрами и интригами. В 1719-м он попал в опалу, предположительно из-за какой-то любовной истории, и был сослан в Казань. Вступив позднее на престол, Екатерина I вернула ему высокое положение,

а при Елизавете он даже пытался играть первую скрипку. В 1741 г. императрица назначила его лейб-медиком и «архиятром», т.е. главным врачом России, ведающим организацией всего медицинского дела в стране. Но семь лет спустя он вновь впал в немилость и отправился в ссылку, откуда его возвратил уже Петр III⁸¹.

15 января царь опять написал жене:

«Зело радосное твое писание вчера чрез Мавѣрина получил, в котором объявляешь, что Господь Бог нас так обрадовал, что і другога рекрута даравал, за что да будет выну хвала ему і незабвенное благодарение! Сия ведомость вдвое обрадова: первое, о новоражденном, а паче, что вас Господь Бог свободил, отчего і мне стала полутче; ибо от самава Раждства Христова столь долго сидеть не мог, как вчерась. Я сердечно желаю сего новыежаго гостя видеть, толко еще несколько дней не могу в дорогу ехать, а особливо сухим путем для трясения; я не знаю, за какую вину сей мой уд страждет⁸², ибо воистину невиновен, разве за другой, которой пов... .. [повинен?] О здешнем писать не имею, толко, как мочно будет, поеду в тебе немедленно. Дай Боже, чтоб вы от всех припратков и натуральной сей болезни свободны были і вас бы застать здоровых»⁸³.

За столь радостную весть курьер Семен Маврин, любимый паж Екатерины, которого она в день своей коронации делает камер-юнкером, получил ни много ни мало тысячу рублей⁸⁴. Однако в следующем своем письме к жене царь в основном жаловался на собственное недомогание:

«Зело мне болезненно, что ты не веришь, что я к тебе пишу: истинно все правѣда, и кончая хотел по двух іли трех днях ехать к вам. Но в ту-же ночь припала лихоратка; і правѣда, два дни крепко держало, но, слава Богу, дохтор розорвал; потом три дни еще была, толко гораздо лехче, а сей третей день как вовсе покинула. Ей, верь Господу Богу, ни малова утаил іли прибавил, но вѣсе, как было; і ныне, кроме обыкновенной слабости, ничего нет, для которой в нынешней худой воздух вскоре вытить не чаю. Но ежели даст Бог вам совершенное облехчение, то зело желаю вас видеть здесь; авось могу и вѣстретить, а без вас скушнохонка; сама знаешь: так близко живем, а не видимся»⁸⁵.

3 февраля Петр сообщил, что «лихоратка не помянулась более, и ныне обыкновенное безсилье да чечюй, аднакож и оной меньшеет»⁸⁶. А еще через неделю пенсионарий Амстердама Виллем Бейс (1661–1749) доложил великому пенсионарию Хейнсиюсу:

«Его Царское Величество все еще слаб, но, с другой стороны, уже настолько поправился, что двух докторов из здешнего города, приданных его [Петра] лейб-медику, отпустил, пожаловав им по сто золотых дукатов каждому»⁸⁷.

Впрочем, вернемся к рождению царевича. 4 (15) января Петр официально уведомил о нем своих сенаторов: «Господа Сенат! Объявляю вам, что хозяйка моя, едучи сюда, в Везеле третьего дня принесла мне другаго рекрута Павла»⁸⁸. В своих многотомных *«Дейниях Петра Великого»* Голиков цитирует письмо, которое его герой написал князю Голицыну:

«Объявляю вам, что сего месяца 2 дня Хозяйка Моя, не поехав сюда, в Везеле родила солдатченка Павла, о чем прошу уведомить Господ Офицеров и солдат, и рекомендую его Офицерам под команду, а солдатам в братство, которым всем от Меня и нововыезжаго, прошу поклон отдать»⁸⁹.

16 января читатели газеты *«Амстердамсе Курант»* тоже узнали: за два дня до этого «около полудня пришла депеша из Везеля в дом, где остановился царь Великой России, с приятным известием, что супруга Его Царского Величества благополучно разрешилась от бремени царевичем, с чем многие господа Его Величество и поздравили». Примерно такая же информация появилась тогда и в *«Антверпсе Пост-Тейдинге»*, которая неделю спустя, 22 января, вынуждена была добавить:

«Из Амстердама сообщают, что не успел царь Московский получить радостную новость о рождении царицей 13-го в Везеле царевича, как уже пришла печальная весть, что ребенок в тот же день вечером того же дня скоропостижно скончался».

Между тем еще 16 января Петр направил Генеральным штатам такое послание:

«Божиею милостию мы, Петр Первый, царь и самодержец всероссийский и прочая, и прочая и прочая. Высокомочным господам статом генерал славных, одновладельческих, вольных, соединенных Недерляндов дружечно поздравляем. Понеже всевышний Бог чрез счастливое освобождение ея величества и любви царицы, нашей любезнейшей супруги от ея имевшаго бремени в 2-й день сего месяца в королевском прусском городе Везеле новорожденным принцем нас и весь наш царский дом обрадовать изволил, — того ради мы сим не токмо вашему высокомочию о том объявить, но и притом наипаче, понеже сей наш принц при границах ваших родился, в восприемники онаго избрать и дружечно просить восхотели. Желание, которое мы всегда имели, с вашим высокомочию до сего времени постоянно имевшую дружбу вяще утвердить, — нам надежду подает, что вы сие за благо и за знак нашей приязни и конфиденции к вам примете. Мы же взаимно не оставим вашему высокомочию при всяком случае все возможные опыты нашей дружбы и истиннаго к вам имеющаго доброжелательства подавать. Впрочем, пребываем. Дан в Амстердаме, генваря 5-го дня 1717 г., государствования нашего 35 году»⁹⁰.

В «Резолюциях» Генеральных штатов упоминается письмо Куракина «с уведомлением о благополучном разрешении от бремени царицы, супруги Его Царского Величества, второго числа этого месяца в прусском городе Везель, вследствие чего у Его Величества родился царевич, и с просьбой к Высокомочным принять оного под свое отеческое покровительство». После обсуждения этой просьбы Генеральные штаты постановили направить Петру поздравления⁹¹. То, что столь простой вопрос понадобилось обсуждать, говорит об отсутствии у депутатов особого энтузиазма и о желании отложить решение. Возможно, Петра это задело, но назревавшему дипломатическому конфликту не дала разгореться неожиданная кончина младенца.

Смерть новорожденного царевича Павла была для отца тяжелым ударом⁹². Старший его сын Алексей Петрович делами державного реформатора интересовался мало, поэтому царь с нетерпением ждал рождения другого преемника, который в отличие от сына Петра от первой жены не был бы воспитан в традиционной московской культуре и не был бы продуктом Руси старой, допетровской. К тому же Петр мечтал о том, чтобы его сын и наследник родился в Амстердаме, став первым голландским русским! «Среди его детей, — пишет Схелтема, — один должен был быть по месту рождения голландцем»⁹³. Но мечта не сбылась.

22 марта голландский резидент в Петербурге Якоб де Би известил Хейнсиюса, что несколькими днями раньше тело усопшего царевича было доставлено из Везеля в столицу для погребения⁹⁴. Только шведский дипломат Прейс, донося еще 19 января в Стокгольм о семейной драме Петра, не удержался от сарказма: «Этому здесь [в Гааге] отчасти рады, так как это избавляет от подарков и других расходов»⁹⁵. В документах самих Генеральных штатов мы подобного цинизма не находим.

Переписка венценосной четы по поводу смерти их ребенка, к сожалению, не сохранилась. Лишь в одном пассаже из письма царя от 12 (23) января сквозит неподдельная боль утраты:

«Письмо твое получил (о чем уже прежде узнал), о незапном случае, которой радость в печаль пременил. Но что ж могу на то ответить, только со многострадальным Иовом, Господь даде, Господь и взял. Яко же годе [угодно] тако и бысть буди имя Господне благословенно отныне и до века»⁹⁶.

В официальном путевом дневнике описание всех этих событий весьма краткое:

«В генваре месяце его величество был в Амстердаме болен, ибо оная жестокая лихоратка умножилась с огневицею и продолжилась февраля до 10 числа. Между тем же временем генваря

в 3 день из Везеля от государыни царицы получена ведомость чрез пажа Маврина, что генваря во 2 день ее величество государыню царицу от имевшаго ее бремяни Господь Бог разрешил и даровал их величествам сына царевича Павла, за которую радость было благодарение Богу. Однакож потом на другой день получена другая печальная ведомость, что вышепомянутого новорожденного царевича не стало, к тому ж ея величество была тогда в Везеле зело в слабом состоянии своего здравия. Февраля во 2 день ее величество государыня царица прибыла в Амстердам»⁹⁷.

10 февраля члены комиссии, отвечавшей за встречу высоких гостей из России, донесли Хейнсиусу:

«По просьбе князя Куракина, после того как в прошлое воскресенье были посланы яхты в город Гауда и мы сами позавчера утром направились туда, дабы ожидать там и приветствовать царицу, вчера вечером около шести часов явился сюда [в Амстердам] майор гвардии Его Царского Величества, который привез оному Величеству известие о том, что царица в прошедший понедельник покинула Везель и, по всей видимости, послезавтра будет здесь»⁹⁸.

О приезде Екатерины мы в *«Походном журнале»* под 1 (12) февраля читаем: «Прибыла в Амстердам Государыня Царица Екатерина Алексеевна»⁹⁹. Сопровождали царицу ее придворная дама (и одна из любовниц Петра) Анна Крамер (1694—1770)¹⁰⁰ и лейб-медик Лесток. По сообщению *«Газетт д'Амстердам»*, выходявшей на французском языке, «господа депутаты штатов Голландии и Западной Фрисландии отправились приветствовать Ее Величество царицу с благополучным прибытием, и так же поступили господа бургомистры, управляющие этим городом [Амстердамом]».

ГААГА

Приехав в Республику Соединенных Провинций в декабре 1716 г., Петр нанес визит Генеральным штатам только три месяца спустя. Вероятно, он предпочел сначала посетить своих старых знакомых в Амстердаме и Зандаме, соображения же дипломатического этикета и официальные церемонии волновали его мало. В переписке политической элиты Республики ни разочарования, ни недовольства этим не видно. Не исключено, что полный конфуз, а подчас и просто смехотворный визит Петра в Гаагу в 1697 г. (путешествуя в тот раз, как известно, инкогнито, царь наблюдал за официальным приемом его дипломатов Генеральными штатами тайком, из отдельной комнаты, а когда это обнаружилось, он ко всеобщему смущению сбежал, прикрыв лицо париком) оставил по себе

H E T
V E R H E E R L Y K T
N E D E R L A N D
O F
K A B I N E T
V A N
H E D E N D A A G S C H E G E Z I G T E N

Van STEDEN, DORPEN, SLOTEN, ADELYKE HUIZEN,
KERKEN, TORENS, POORTEN ; en andere voornaame
STAD- EN LAND- GEBOUWEN, in en omtrent alle de
byzondere VEREENIGDE NEDERLANDSCHE
PROVINCIEËN.

Gedurende de laatste Jaaren door vermaarde Kunsttekenaaren na het
Leven getekend, en op een kunstige manier in 't Koper gebragt.

Dienende tot Opheldering der Beschryvinge van den
T E G E N W O O R D I G E N S T A A T D E R
V E R E E N I G D E N E D E R L A N D E N .

E E R S T E D E E L .

*Behelzende HO N D E R D G E Z I G T E N v a n d e G E N E R A L I T E I T S
L A N D E N e n v a n G E L D E R L A N D .*

T E A M S T E R D A M ,
By I S A A K T I R I O N , 1745.

Met Privilegie van de Heeren Staaten van Holland.

«Прославленная Голландия».
Альбом гравюр (Амстердам, 1745)

не лучшие воспоминания. Во всяком случае, лишь 14 марта провинциальные штаты Голландии и Западной Фрисландии послали в Амстердам яхты, чтобы доставить царя и царицу с их многочисленной свитой в Гаагу.

18 марта Петр и сопровождавшие его лица покинули Амстердам, на тех же яхтах они между Лейденом и Лейдсендамом переночевали, а 19-го достигли усадьбы Винтервлит близ Ворбюрга. Обустроенная в 1679 г., она в 1710-м перешла в руки Жана (Йоана) Ансельма Тилена. Увы, в XIX в. и дом, и другие постройки будут снесены¹⁰¹. «18-го сего месяца [марта], — написала газета *«Эйрописе Меркюриус»*, — царь и царица перебрались из Амстердама в Гаагу. <...> На следующий день к шести часам вечера Их Величества явились в Винтервлит около деревни Ворбюрг и осмотрели там в действии водяную машину, изобретенную и изготовленную неким Якобом ван Брименом». Тщательный осмотр изобретения продолжался больше часа¹⁰². Согласно газете *«Амстердамсе Курант»*, в усадьбе господина Тилена Его Величество «с большим вниманием и удовольствием осмотрел и обследовал водяное устройство, с помощью которого значительное количество воды посредством небольшого огня можно поднимать и опускать». По мнению специалиста, речь шла предположительно о паровой машине, благодаря которой струи фонтана можно было доводить до определенной высоты, чтобы они красиво смотрелись. Для того времени это было чрезвычайной новинкой, что и побудило Петра завернуть в Винтервлит¹⁰³.

Вечером 19 марта августейшие путешественники добрались до Гааги, где остановились в резиденции своего посла Куракина на улице Ланге Ворхаут. 20-го об их приезде были официально уведомлены Генеральные штаты. Был образован комитет, чтобы «Их Царские Величества от имени и по поручению Высокомочных принять и поприветствовать»¹⁰⁴. Комитет состоял из представителей различных провинций (Голландия, Фрисландия, Гелдерланд, Зеландия, Утрехт, Оверейссел, Гронинген и Оммеланден). Как рассказывает *«Эйрописе Меркюриус»*, депутаты в сопровождении секретаря Генеральных штатов Франсуа Фагела (1659–1746) отправились в каретах к дому, где остановился русский монарх. Когда они вошли в зал, где их ждал царь, барон ван Велдерен произнес изящную речь на нидерландском языке, «приветствуя его и выражая истинную дружбу, которую государство стремилось поддерживать с Его Величеством. На это государь ответил подобными же словами, поблагодарив Высокомочных за их благосклонность и т.д.»¹⁰⁵

После встречи с 76-летним великим пенсионарием Хейнсюсом Петр отбыл к морю, в Схевенинген. Там он ужинал в усадьбе Зоргвлит. На следующий день, 22-го, царь дал аудиенцию иностранным послам, а затем вновь отправился на ужин в ту же усадьбу. Постро-

енная выдающимся поэтом и политиком Якобом Катсом, она с 1675 г. принадлежала камергеру stadхаудера Республики (будущего короля Англии) Хансу Виллему Бентинку и его потомкам. Один из них, юный Виллем Бентинк (1704—1774), и принимал русского гостя. Позднее он украсит Зоргвлит садами и зверинцем, как в Ло, усадьбе stadхаудеров, а впоследствии королей и королев Нидерландов. Виллем Бентинк будет заседать в провинциальных штатах Голландии и Западной Фрисландии. Его волевая, самостоятельная в своих поступках жена Шарлотта Софи ван Алденбург после их развода (этот брак по расчету продлится всего семь лет) отправится путешествовать по Европе и произведет яркое впечатление на будущую императрицу Екатерину II, тогда еще 14-летнюю¹⁰⁶.

22 марта Петр, как о том сообщила газета «*Опрехте Харлемсе Курант*», посетил также усадьбу Сион в Делфте, одну из крупнейших и красивейших в тех местах. В 1710 г. ее приобрел член городской управы Роттердама Гейсбрехт ван Хогендорп. Вечером же он с царицей побывал в гаагской Опере и, по сведениям той же газеты, собирался на следующий день, после визита во дворец Тен Бос, где некогда жил покойный stadхаудер, с 1688 г. король Англии Вильгельм III, снова приехать в Оперу.

Какую оперу давали в Гааге 22 марта, установить не удалось, но есть мемуарное свидетельство в стихах полковника Кунрада Дросте (1642—1734), не особенно лестное для властелина России:

«К нам в город Гаагу сам русский царь приехал.
В тот день он в Опере обрел себе утеху.
Я видел там его с царицею-женою
(Что после смерти мужа правила страной).
Пока они внимали тем чудесным звукам,
Он высморкался вдруг — но не в платок, а в руку,
Чтоб вытереть о край царицына наряда;
А выходя порой, пять чарок выпил сряду»¹⁰⁷

Дросте, запечатлевший в своих стихах светскую жизнь тогдашней Гааги, впервые увидел русского царя там еще в 1698 г., во время фейерверка на дворцовом пруду в честь заключенного с Францией Рейсвейкского мира. Дросте вспоминает, что гость прокатился по пруду на лодке. Двадцать лет спустя взору графомана-рифмоплета Петр предстал в ложе гаагской Оперы, «причем он вел себя не совсем так, как в соответствии с хорошим тоном тех времен ожидали от царя»¹⁰⁸. Отсюда и эти стихи.

23 марта, как мы уже знаем, Петр и Екатерина побывали во дворце Тен Бос, построенном в XVII в. После смерти в 1702 г. его владельца, короля Вильгельма III, не оставившего потомства, дворец достался прусскому королю Фридриху-Вильгельму I. 24 марта

Королевский дворец Хонселаарсдейк. Гравюра

царь отобедал во дворце Хонселарсдейк, славившимся своими садами с фонтанами и статуями: в первой четверти XVII в. стадахаудер Фредерик Хендрик не пожалел средств, чтобы нанять лучших голландских и французских архитекторов, скульпторов и проектировщиков садов. Когда умер Вильгельм III, этот дворец тоже перешел в руки короля Пруссии. 25-го Петр осмотрел под Гаагой усадьбу городского советника Йоана ван Схёйленбюрга (1675—1735), в прошлом секретаря Вильгельма III, а в будущем управляющего Ост-Индской компанией в Амстердаме.

Из аудиенций иностранным дипломатам и другим высокопоставленным особам «*Походный журнал*» упоминает под 21 марта, что царя посетили посол Франции и голландские флотоводцы барон Ян Геррит Вассенар ван Дювенворде (1672—1723) и Антони Питерсон (1658—1722). Вассенар был адмирал-лейтенантом в Амстердаме, а Питерсон, став еще в 1700 г. вице-адмиралом, в 1711—1712 гг. командовал эскадрой в Средиземном море. 26 марта в усадьбе Рейксдорп, принадлежавшей Вассенару, Петр с обоими флотоводцами ужинал.

Ответный визит Генеральным штатам царь нанес 27 марта. «Полудни, около четырех часов, — сообщила газета «*Эйрописе Меркюриус*», — Его Царское Величество в сопровождении нескольких князей и вельмож видели сидящими в четырех каретах на дворе Бинненхоф в Гааге; он вышел прямо перед коллегией господ уполномоченных советников¹⁰⁹. Их палату он посетил, как и зал господ Генеральных штатов и зал Перемирия; эти последние ему полностью открыли, несмотря на то, что Высокомочные там заседали. Когда он вошел в зал заседаний Высокомочных, его там весьма учтиво приняли и некоторые члены произнесли приветственную речь, которая длилась примерно полчаса. После этого Его Царское Величество проводили в зал Перемирия, а оттуда он возвратился через зал заседаний Высокомочных по галерее в коллегию господ уполномоченных советников».

Любознательному русскому гостю голландские власти приготовили сюрприз. Сопровождаемый Куракиным, графом Албемарлом и некоторыми другими, Петр Алексеевич сел в украшенную двумя вымпелами маленькую барку на дворцовом пруду. Вместе с изобретателем некоего особого компаса он сразу же уединился в помещении под палубой, где горела свеча. Дверь плотно закрыли. Затем барка в течение полутора часов пересекала во всех направлениях пруд, в котором во многих местах были вкопаны нумерованные столбики, и изобретатель, хотя и сидел внизу, каждый раз определял, у какого столбика находится судно. Излишне говорить, что Петр был очень доволен. Эпизод этот попал в «*Эйрописе Меркюриус*» и другие голландские газеты. За границей, в Австрий-

ских Нидерландах, «*Антверпсе Пост-Тейдинге*» 2 апреля, сообщив, что в Гааге на пруду в присутствии царя и к его большому удовольствию «были проведены некоторые опыты с определением восточной и западной долготы», добавила: «На этой неделе они будут продолжены».

Еще подробнее этот эпизод воспроизведен в сборнике рассказов механика Андрея Нартова, «личного токаря» царя-реформатора:

«Петр Великий, в бытность свою с государыней Екатериною Алексеевною в Гаге, осматривая любопытные вещи в городе и окрестностях онаго, проведал, что находится там один математик, который уверял, яко бы сыскал он способ узнавать долготу мест; а как его величество любопытствовал видеть такое важное изобретение, то и желал присутствовать своею особою при опытах, которые обещал изобретатель делать своими инструментами, которые составляли такой компас, который показывал, по сказанию его, степени долготы и широты мест. Сей ученый муж устроил осьмоугольный шалаш в одном судне, которое введено было в гагский большой пруд; разставил он шесты нумерованные, которых план имел в том шалаше, и которые представляли пристани и разные страны, а пруд представлял яко бы пространство моря. Государь имел терпение находиться в сем закрытом со всех сторон шалаше более трех часов с графом Албелмарлем, с князем Куракиным и с некоторыми депутатами Голландских Штатов и с сим инвентором. Гребцы, управлявшие сим судном, разъезжали всюду, а математик, запертый в шалаше, означал и сказывал, в которой стороне пруда судно находилось, и подле которого шеста было.

Петр Великий делал ему при том разные возражения; наконец засвидетельствовал, что сей человек далеко дошел в изобретении своем, познавая долготу и широту мест, но еще недостает [в том] некоторого в нем совершенства, однако заслуживает похвалу и награждение, говоря при том Альбелмарлю и прочим, с ним бывшим, следующее:

«Я ни мало ни хулю алхимиста, ищущаго превращать металлы в золото, механика, старающагося сыскать вечное движение, и математика, домогающагося узнавать долготу мест, для того, что, изыскивая чрезвычайное, незапно изобретают многия побочныя полезныя вещи. Такого рода людей должно всячески ободрять, а не презирать, как то многие противное сему чинят, называя такия упражнения бреднями».

Его величество подарил сему математику за труд сей 100 червонных и приглашал его приехать в Россию, чтоб он производил дальнейшие опыты над сим полезным изобретением в его государстве, и обещал за сие достойное награждение»¹¹⁰.

OUDE EN NIEUWE STAAT
VAN 't RUSSISCHE OF MOSKOVISCHE
KEIZERRYK,
Behelzende eene uitvoerige HISTORIE van
RUSLAND
EN DESZELFS
GROOT-VORSTEN;

Benevens de BESCHRYVINGE van dat uitgestrekte RYK, de ZEDEN en GODS-
DIENST der Inwoners: Zyne OPKOMST en VOORTGANG in KOOP-
HANDEL, KUNSTEN, LAND- en ZEEMACHT, OPROEREN,
OORLOGEN en verdere WISSELVALLIGHEDEN,
tot dezen tegenwoordigen tydt toe.

Breder in de bygevoegde Tafel te zien.

*Alles uit de beste Schryvers en verdere echte stukken te zamen geseld,
met nodige Kaerten en fraeje Prentverbeeldingen, door
den Vermaerden J. C. PHILIPS gesneden, versierd.*

DERDE DEEL.

Behelzende 't vervolg der Groot-vorsten, van PETRUS den Eersten;
tot de Keizerin ANNA IVANOWNA.

2^e UTRECHT

By **JOHANNES BROEDELET,**
Akademie Drukker, 1744.

Рейтц. Старое и новое состояние Российской империи
(Утрехт, 1744)

Как пишет Схелтема, и само это изобретение, и проведенные испытания окутаны тайной. «Известно только, что царь за ними наблюдал и предполагаемого искусника часто приводил в смущение своими вопросами. Тот позднее даже признавался, что и не думал найти в ком-либо из монархов такого способного математика»¹¹¹. Очевидно, имел место эксперимент с магнитным камнем, который можно было использовать в навигации. Камень, обладающий сильным магнитным свойством, был редкостью и стоил дорого. Так, в 1711 г. голландский физик Николас Хартсукер (1656—1725), друг знаменитого Христиана Гюйгенса, уплатил за такой камень ни много ни мало 3000 гульденов. Во время своего первого пребывания в Голландии (1697—1698) царь пригласил Хартсукера к себе в Россию в качестве профессора математики, но тот отказался¹¹². Не исключено, что Хартсукер, занимавшийся, в частности, определением географического положения судов, и был тем самым изобретателем и провел вместе с гостем из России эксперимент с магнетитом¹¹³.

ЛЕЙДЕН

О поездке Петра из Гааги в Лейден *«Походный журнал»* упоминает, как всегда, очень кратко: «После обеда изволил поехать в Лейден, и оттоль возвратился в 18-й день, в 12-ть часов»¹¹⁴. Не намного больше находим мы и в официальном путевом дневнике: «В 17 день его величество был в Лейдене и смотрел там Академии и фабрик»¹¹⁵. Столь же лаконична газета «Амстердамсе Курант» от 30 марта, сообщившая, что царь 28 марта отправился в Лейден, с намерением на следующий день вернуться в Гаагу, а оттуда двинуться в Роттердам и Зеландию. 29 марта он действительно возвратился из Лейдена. Что он там делал и с кем встречался, неизвестно. В расходной книге царя упомянуты 10 рублей золотом, выплаченные им 17 марта через своего лейб-медика Эрскина сотрудникам университетской библиотеки и анатомического театра в Лейдене¹¹⁶. В книге «Россия и Нидерланды» Схелтема подробно описывает визит Петра в 1717 г. к знаменитому лейденскому врачу Герману Бургаве, точнее Херману Бурхаве¹¹⁷, но ни на какие источники не ссылается.

Неясность и даже путаница в литературе относительно того, виделся ли Петр с Бургаве, связана, очевидно, вот с чем. Царь хорошо знал в Амстердаме анатома Фредерика Рюйша, осмотрел в 1697 г. его коллекцию, присутствовал при его опытах и, возможно, взял у него несколько уроков анатомии. Вернувшись в конце апреля 1698-го из Англии, Петр посетил в Лейдене университетский ботанический сад

и анатомический театр, где работал Бургаве¹¹⁸. Однако о том, познакомился ли он с самим ученым, сведений нет¹¹⁹.

О путешествии 1717 г. Схелтема рассказывает, что важнейшей целью поездки властителя России в Лейден было как раз повидать Бургаве, «в ту пору величайшее светило медицины». Петр, как пишет Схелтема, послал кого-то к Бургаве с предложением вместе осмотреть ботанический сад. Привыкший вставать спозаранку, царь назначил встречу на пять часов утра. Ночь он провел на своей яхте перед главным зданием университета. Потом побывал в ботаническом саду и в университетской библиотеке, где видел «знаменитый глобус» — модель Вселенной. Наконец, отправился в анатомический театр и там тоже все осмотрел «с поразительным вниманием». Некоторые господа из его свиты с отвращением смотрели на вскрытие трупа, и тогда Петр заставил их зубами вытаскивать мышцу из рассеченного мертвого тела.

Встречу царя с Бургаве описал в своей торжественной речи на латинском языке по случаю 150-летия Лейденского университета (1725) его ректор Франсискус Фабрисийус:

«Но не могу обойти молчанием вас, о славнейший и во всех искусствах и науках осведомленный государь, *император всероссийский!* Вы провели холодную ночь на маленькой яхте на Рейне, счастливо омывающим порог нашего университета, прямо перед дверью его главного здания, дабы еще до рассвета, ровно в пять утра, быть у нашего *Бургаве*; и вы вместе с ним осмотрели самым тщательным образом растения в саду, зимние помещения, печи и подземные трубы отопления. После чего вы ознакомились с университетской сокровищницей, оглядывая все обычное мельком, но перед всем, что было неизвестным и редким, останавливаясь, одно за другим подробно рассматривая и, если было что примечательное, внимательнейше изучая. Какие великие и несравненные вы тогда выказали познания относительно явлений природы, в своих соображениях, которые изумленный *Бургаве* постоянно пересказывает нам и повсюду! Оттуда вы прошли в библиотеку и там удивительный астрономический глобус и вместе с нашим знаменитым *Сенгвердом*¹²⁰ физические инструменты так исследовали, что он потом везде огласил, что тайны их вы в полной мере постигли. Тем самым все могли убедиться: как повсюду оружием, так здесь и разумом своим вы показали, что вы великий царь, и в том и в другом выдающийся»¹²¹.

В примечании к публикации этой речи Фабрисийус указал, что Петр посетил университет в 1717 г. О визите в анатомический театр и о придворных царя, которых тот заставил касаться ртами вскрытого трупа, — ни единого слова. Схелтема ссылается на изданное по-французски сочинение Йохана Мейрмана (1812), однако рас-

сказ этого автора относится к первому приезду Петра в Голландию, к 1697 г.¹²² И это, конечно, более правдоподобно. Как бы то ни было, отныне врач Бургаве имел некоторое отношение к российскому двору. Когда в конце 1724-го император тяжело заболел, его лейб-медик Лаврентий Блюментрост решил собрать консилиум, посоветовавшись также с иностранными светилами. Послали к доктору Шталю в Берлин и к «еще более прославленному профессору Герману Бургаве в Лейден». Через русского посла в Гааге врача попросили высказать свое мнение о болезни государя. Увы, на следующий день курьер привез известие о кончине Петра. Узнав об этом, Бургаве был потрясен: «Боже мой! Возможно ли, что такому великому человеку дали умереть, когда грошковые средства могли его исцелить!»¹²³.

РОТТЕРДАМ

Еще 27 декабря 1716 г. из Гааги в Роттердам ушло распоряжение правительства Республики Соединенных Провинций местным властям приветствовать царя с царицей при их проезде через Роттердам или мимо него «обычным числом пушечных залпов»¹²⁴.

В газетах пребывание Петра в этом городе почти не отразилось. Как пишет «Амстердамсе Курант», утром 4 апреля «царь Великой России отплыл на яхте из Роттердама в Дордрехт, а царица вечером около 6 часов вернулась сюда [в Гаагу]». В «*Эйрописе Меркюриус*» информации чуть больше:

«30 марта пополудни царь Великой России отбыл из Гааги в Роттердам, дабы осмотреть этот город и иные места, расположенные на реке Маас, даже Брилле и Хеллевутслейс, а заодно и провинцию Зеландию, после чего направиться через брабантские города Антверпен, Брюссель и прочие во Францию. Сопровождал его посол князь Куракин, и царица проследовала с ним до Роттердама, откуда возвратилась в Гаагу и, наконец, 21-го опять в Амстердам. Его Царское Величество, отплыв 4-го утром на яхте в Дордрехт, сошел там на берег, дабы ознакомиться со всем примечательным в этом старом и первом городе Голландии. Затем, вновь взойдя на борт, прибыл вскоре к острову Валхерен в порту города Флиссинген»¹²⁵.

Нет особых подробностей и в официальном путевом дневнике царя:

«В 19 день поехали из Гаги в Роттердам и того же числа ввечеру прибыли. И были в Роттердаме до 24-го, и того же числа его царское величество из Роттердама путь свой взял в Брабандию и Францию водою на яхтах. И когда яхта его величества от Роттер-

дама пошла, тогда стреляли с роттердамской фартееции ис □так!□ пушек трижды кругом, и против оных ответствовано с яхты от его величества 5-ю выстрелами»¹²⁶.

Упоминание каждый раз о количестве пришедших пушечных залпов говорит, несомненно, о том, какое значение придавали русские дипломатическому протоколу и знакам признания их государя за границы.

Один документ, касающийся пребывания Петра в Роттердаме, найти все-таки удалось — в архиве городской управы. По просьбе венценосного гостя местные власти позаботились о том, чтобы некая вдова Давис уступила на несколько дней свой дом царю и его свите, а сами власти пообещали «в пределах разумного» возместить ей возможный ущерб, который будет причинен ее дому и обстановке. После отъезда непрошенных жильцов вдова предъявила городской управе финансовые претензии на сумму в 1265 гульденов. 26 апреля муниципалитет постановил выплатить вдове компенсацию, однако 15 мая размер компенсации был определен всего в 1000 гульденов¹²⁷.

По словам Схелтемы, Петр осмотрел в Роттердаме «все, что в этом городе было примечательного, с чрезвычайным вниманием». Утверждать это Схелтема мог с полной уверенностью, ведь царь-реформатор был путешественником исключительно любознательным и дотошным. Вопросы вызывает другой пассаж в книге Схелтемы: «Власти оказали ему [Петру] все возможные почести, но он реагировал на это без всякой учтивости: членам магистрата, пришедшим его приветствовать, он почти ничего не ответил»¹²⁸. Откуда такие сведения, остается загадкой. В отдельной работе Схелтемы о пребывании Петра в Зандаме ничего подобного не говорится¹²⁹.

Впрочем, царь выражал «особое удовольствие», встречая старых знакомых. Так, в Роттердаме, в толпе зевак, он заметил Яна ван Леуэна, который раньше состоял у него на службе. Петр тут же подошел к нему и, радостно обняв и поцеловав его, воскликнул: «Мой старый друг! Ты был моим гофмейстером». После чего сказал несколько слов по-русски своим вельможам, и те тоже подошли позжать голландцу руку. Об этом и о том, что было дальше, Ян ван Леуэн в деталях рассказал в письме к сыну в Гаагу от 5 апреля:

«После того как я пробыл с Его Величеством примерно полчаса, явился магистрат приветствовать Его Величество, и я стоял рядом с Его Величеством. Но Его Величество ничего им не ответил, а велел через кого-то другого сказать, что благодарит. В пятницу в два часа Его Величество мне передал, чтобы я не уходил и что он придет меня навестить. И в три часа он прибыл в сопровождении целых 16 человек ко мне домой, и всех их я угостил, хотя было очень мало времени, чтобы что-нибудь приготовить. Я сде-

лал все как можно лучше, с хорошим вином, и Его Величество был весьма доволен. Я спросил, может ли моя жена с сестрой иметь честь видеть Его Величество, и он сразу же разрешил им войти, и встал, подошел к моей жене и вместе со всеми князьями ей поклонился, после чего снова сел. Моя жена, [ее] сестра и дочь взяли по стакану вина и выпили за здоровье Его Величества, а немного спустя за здоровье Ее Величества и затем опять вышли. Его Величество пробыл у меня дома три с половиной часа и заявил, что остался бы до полуночи, но у одного из его князей день рождения и тот устраивает обед для угощения Его и Ее Величеств. И Его Величество пригласил меня поехать туда с ним и пообедать с Его и Ее Величествами и всеми князьями.

В субботу Его Величество велел меня привезти туда, где он находился, и показал мне различные красивые вещи и среди прочего картину, где изображены две его дочери. И он изъявил мне большую благосклонность в присутствии Ее Величества. Так что я пробыл там долго и вспотел от жары при множестве людей в столь маленькой комнате. Поэтому я тихонько вышел, но как только Его Величество меня хватил, он послал вниз меня искать и заставил меня подняться, и подошел ко мне с двенадцатью большими серебряными медалями, которыми Его Величество сам меня награждал. Каждая медаль посвящена одному из триумфов и побед, одержанных Его Величеством в течение своей жизни. Мне за эти медали предложили 100 дукатов, но я не захотел, потому что медали были даны мне таким великим государем собственноручно».

В заключение письма Ян ван Леуэн сообщает, что его жене не терпится еще раз повидать царицу и потому не исключен их с женой скорый приезд в Гаагу (куда Екатерина вернулась из Роттердама). Сыну же его по просьбе отца предстояло подаренные медали зарисовать и «то, что на них стоит на латинском языке, перевести на нидерландский». В приписке на обороте листа бывший гофмейстер добавляет, что на улице ему нет прохода от людей, которые поздравляют его с визитом Его Величества и «говорят, что мне выпало больше чести, чем самой высокопоставленной особе нашей страны»¹³⁰.

В Роттердаме Петр на время распрощался с Екатериной, которая не ехала с ним дальше на юг, во Францию. Обычно предполагают, что он не взял ее с собой, опасаясь, не станут ли надменные французы критиковать низкое происхождение его супруги. По мнению голландского историка Г.В. ван дер Мейдена, царь отправился в Париж один из-за бурной ссоры с царицей, на которую Петр возложил вину за свою дурную репутацию и за то, что должен был прогнать своего старшего сына Алексея¹³¹. Слухи о ссоре дошли до императорского двора в Вене — через австрийского резидента в Петербурге Отто Антона Пляйера.

Памятник Петру в Роттердаме.
Скульптор Леонид Баранов, 1997 (фото Дмитрий Гузевич)

«Один из здешних больших вельмож доверительно поведал мне, — доносил резидент, — что царь перед отъездом из Голландии явил царице свой гнев и сурово упрекнул ее в том, что это по ее вине весь мир о нем злословит, будто он своего наследника прогнал, отверг и вынудил покинуть страну, и тот должен был от отца бежать, а ведь он ни перед Богом, ни перед людьми не может обвинить сына ни в каком преступлении...»¹³²

Биограф Екатерины считает причиной того, почему она не поехала во Францию вместе с мужем, ее послеродовую депрессию¹³³. Сама же царица была явно не в восторге от того, что Петр уехал один. 22 апреля она написала ему из Амстердама:

«А что изволили упомянуть, что вам без нас скучно, и тому верю. Однакож я чаю, что вашей милости не так скучно, как нам; ибо вы всегда можете Фомин понедельник там сыскать, а нам здесь трудно сыскивать, понеже изволите сами знать — какие здесь люди упрямые!»¹³⁴.

Фомин понедельник — это второй понедельник после Пасхи, когда православные приносят куличи и крашеные яйца на могилы усопших родственников. В своем письме Екатерина, очевидно, имеет в виду просто возможность Фомин день отпраздновать.

ЗЕЛАНДИЯ

10 апреля сопровождавший царя в поездке Петр Толстой написал вице-канцлеру Шафирову:

«Мы в Зеландии были толко два дни и не нашли чего б смотреть, того ради поехали в Брабанты, а сколь долго тамо пробудем, еще не ведаю»¹³⁵.

Чем Зеландия разочаровала русского государя, неизвестно. Скорее всего, дело было в новых его потребностях: в ходе второго путешествия за границу он интересовался уже не столько флотом и верфями, сколько импозантной архитектурой (особенно дворцами), парками и садами, имея в виду очередной этап застройки Петербурга. Впрочем, и в этом смысле Толстой объективно был не прав: в путеводителе 1689 г. отмечены в Мидделбурге, столице провинции Зеландия, «весьма значительное здание» ратуши, а рядом с ней «такая красивая Рыночная площадь, какую в Нидерландах мало где найдешь», да и Флиссинген вполне мог заинтересовать Петра своими укреплениями и хорошо оборудованным портом. Крупные морские суда разгружались также в порту городка Вере¹³⁶.

В официальном путевом дневнике царя его посещение Зеландии описано как раз очень подробно:

Ратуша города Флиссингена в Зеландии
(«Les Delices des Pais Bas...», Брюссель, 1740)

«В 28 день поутру пошли, и в 10-м часу из города Флисинга [Флиссинген] встретила яхта, на которой капитан-командор га-ланской. И оной командор стрелял трижды, а ему ответствовано пять раз¹³⁷. И до Флисинга та яхта шла пред яхтою его величества, и пришли пред обедом к урочищу Рамонку [Раммекенс], где батарея, с которой також и с карабля, против ее стоящего, стреляли ис пушек, и оным ответствовано по 5 раз. И того же 28 дня прибыли во Флисинг в третьем часу пополудни в самой канал, где док, куды карабли воинския для починки вводят. При въезде в город со оного стреляли три раза из всех пушек, которым ответствовано с яхты пять раз. И тогда приходили к его величеству на яхту от правинции Зейланской депутаты и бургомистры от города принципального той правинции, называемого Миделбурха [Мидделбюрг], для поздравления его величества, с ними же вместе был и адмирал Эверс¹³⁸. И тут его величество на яхте начевал.

В 29 день поутру его величество ездил по городу Флисингу в карете, и был у слюзов и ходил по фартееции, и о трех часах пополудни ездил сухим путем в Миделбурх, до которого от Флисинга езды сухим путем час. И когда в город въехал, тогда стреляли ис пушек со всего города три раза. И быв там несколько часов, и к вечеру поворотился назад, и начевали на яхте в том же доке у Флисинга.

В 30 день поутру вышли ис того канала в слюзные ворота к морю, ветер был ост, но понеже вода тогда в море убyla, и для того дожидались за слюзными воротами большой воды до первого на десят часу. Между тем же приезжали на яхту от правинции Зейланской те же депутаты и бурмистры. И во втором на десять часу, как прибыла вода, тогда его царское величество пошел из Флисинга на той же яхте в Брабандию, и вышереченная яхта, которая стреляла у Флисинга, також провожала. И как вышли в море, то стреляли с фартееции Флисинской трижды кругом, и им ответствовано с яхты от его величества пятью выстрелами. Потом и с крепости и с карабля, против оной стоящего, також по трижды стреляли, которым вместе ответствовано пятью же выстрелами. Потом яхта, которая провожала, выстрелили пятью и поворотилась назад. Ей ответствовано столким же числом, и шли по пятого часа пополудни»¹³⁹.

Единственная голландская газета, которая сообщила, хотя и кратко, о визите Петра в Зеландию, — «*Эйрописе Меркюриус*»: из Дордрехта «Его Царское Величество прибыл на остров Валхерен в порту города Флиссинген. Там он провел три дня, чтобы осмотреть сухой док, в котором как раз стоял военный корабль, а также осмотреть столицу Мидделбюрг. Отсюдова он на яхте Генеральных штатов отбыл 10-го в Антверпен....»¹⁴⁰

Местный краевед Ван Ларен в своей хронике «*Описание Флиссингена*» приводит некоторые подробности. «Великий царь Московии» в сопровождении князя Куракина и других знатных особ посетил Флиссинген, «чтобы осмотреть морские постройки. Его приветствовал магистрат, и было произведено три залпа из крепостных пушек. Он ознакомился с морскими постройками. Там была забита в землю тяжелая свая, к которой он подошел взглянуть, как это было проделано. Затем отправился в сухой док, где был установлен на балках корабль, что он тоже осмотрел». Переночевав на яхте, Петр на третий день, сопровождаемый тремя пушечными залпами, отплыл в Антверпен¹⁴¹.

Док для ремонта судов, в котором побывал русский монарх, — это, конечно, «док Перри» в восточной гавани Флиссингена, старейший сухой док Нидерландов и один из первых в Западной Европе. Построен он в 1704—1705 гг. по проекту, составленному в 1697-м английским морским офицером Джоном Перри, и вот уже полвека является памятником, охраняемым государством. Сам Перри в 1695—1697 гг., потеряв захваченный пиратами корабль, сидел в Англии в тюрьме по обвинению в трусости. Желая от него избавиться, английское адмиралтейство воспользовалось приездом Петра I в Лондон (1698) и предложило ему взять Перри к себе на службу. Молодой царь увез англичанина в Россию и доверил ему ряд крупных проектов, поручив, в частности, вырыть канал между Доном и Волгой, дабы соединить Каспийское море с Черным. Дело не увенчалось успехом. В 1712 г. Перри, не дождавшись уплаты всего положенного ему жалованья, покинул Россию, после чего опубликовал книгу о ней¹⁴², основанную на собственных впечатлениях автора и познакомившую западноевропейскую публику с реформами в этой стране. Судьба Перри в России, его трагическое столкновение с самодержцем стали в 1927 г. темой повести Андрея Платонова «Епифанские шлюзы». Так что во Флиссингене Петр осмотрел творение одного из своих видных иностранных инженеров.

В архивах Зеландии следов пребывания царя в этой провинции можно отыскать немало. 2 апреля зеландские власти получили из Гааги письмо такого содержания:

«Вчера [30 марта] господин князь Куракин, полномочный посол Его Величества царя Великой России оказал нам честь, приехав сообщить нам, что Его Царское Величество по случаю своего пребывания здесь намерен совершить на яхте господ Штатов Голландии путешествие также в провинцию Зеландия, дабы осмотреть там все примечательное». Посол попросил передать эту новость местной администрации, с тем чтобы она по прибытии высокого гостя выставила на его яхте необходимую охрану.

При этом он еще попросил выделить кого-нибудь, владеющего французским языком, чтобы тот этому послу, который говорит только по-московски и по-французски, дал необходимые сведения о заслуживающем внимания в провинции и ее городах».

Итак, после стольких лет, проведенных в Голландии, Куракин все еще не знал нидерландского — в отличие от своего государя: «Предполагается, что Его Величество, который на голландском языке говорит достаточно хорошо, сегодня отправится отсюда в Роттердам, пробудет там дня три, а затем продолжит путь прямо в Мидделбург, где остановится на несколько дней, проживая на яхте. Между тем Ее Величество царица будет находиться здесь [в Гааге]»¹⁴³.

Получив это послание, власти Зеландии постановили перевести отряд солдат из Флиссингена и еще один из Вере в Мидделбург, полагая, по-видимому, что августейший путешественник будет ночевать в столице провинции. И поскольку Петр должен был провести в этом городе лишь пару дней, было решено просить бургомистров Флиссингена и Вере, чтобы отряды все это время оставались в Мидделбурге. В течение всего визита каждому часовому, выставленному на яхте, полагалось раз в сутки полбочонка пива и фунт хлеба. На следующий день уполномоченные советники Зеландии обратились к местной дирекции Ост-Индской компании с просьбой обеспечить при приезде царя стрельбу из пушек.

Вообще власти провинции готовились «встречать и приветствовать Его Царское Величество с величайшей учтивостью». Гостя и его свиту даже освободили от налогов, ведь еще раньше так же поступили в провинции Голландия¹⁴⁴. Когда выяснилось, что царь, вопреки ожиданиям, ночевать в Мидделбурге не останется, началась оживленная переписка с администрацией Флиссингена и Вере по поводу того, что делать с присланными отрядами охраны. А при отъезде русских из Зеландии, поскольку те собирались отплыть отсюда в Брабант, комендантам крепостей Лилло и Лифкенсхук на реке Схелде (Шельда), у границы с Австрийскими Нидерландами, было приказано должным образом салютовать из пушек¹⁴⁵.

В архиве города Вере, входящем в состав Зеландского архива, хранится письмо, полученное 1 апреля 1717 г. местной администрацией от уполномоченных советников провинциальных штатов Зеландии. Оно посвящено тому, как принимать «царя Московии»¹⁴⁶. Из письма еще раз видно, что зеландские власти делали все возможное, чтобы принять российского самодержца со всеми почестями.

Поэтому несколько удивляет, что в расходной книге провинциальных штатов за 1717 г. упомянуто так мало трат, связанных с этим визитом. В одном из документов Городского архива во Флиссингене издержки, понесенные городом с 8 по 10 апреля «для встречи

и приветствования Его Величества царя Великой России», перечислены: покупка пороха для пушек, оплата плотников, наем лошадей и экипажей на общую сумму, чуть превышающую 23 гульдена¹⁴⁷. Год спустя, 8 мая 1718 г., некоему Питеру Бодделару уплатили 1 гульден за то, что он два дня возил в дорожной коляске, берлине, русского государя и за «повозку для слуг Его Величества царя Великой России и багажа»¹⁴⁸. В том же архиве города Верея нашел письмо магистрата от 3 апреля к зеландскому адмиралтейству с просьбой поставить необходимый запас пороха для производства пушечных залпов, когда царь прибудет в этот город или будет проезжать мимо него¹⁴⁹.

Расходы провинциальных штатов Зеландии, связанные с визитом Петра, ограничились выплатой примерно 6 гульденов Яну ван Экстеру за наем экипажа на восемь дней, 9 гульденов купцу Йобу Бому в Зирикзе за поставку и перевозку в Брюссель для царя свыше 2000 устриц и, наконец, почти 24 гульденов Яну ван Ройену, экипажмейстеру во Флиссингене, на выплату жалованья ему и его помощникам в крепости Раммекенс, которые произвели пушечные залпы¹⁵⁰. Упомянутые устрицы были закуплены бургомистром Зирикзе по поручению провинциальных властей Зеландии и отправлены водным путем в Антверпен, а оттуда в Брюссель, где Петр будет в тот момент находиться. Поставщику устриц Йобу Бому уплатили не сразу, и ему пришлось письменно напомнить господам уполномоченным советникам провинциальных штатов о причитающихся ему деньгах¹⁵¹.

Мы вправе предположить, что власти в первую очередь позаботились о пушечных залпах и только потом подумали о подобающем подарке. Пока бургомистр Зирикзе получил распоряжение о покупке устриц и купил их, гость из России уже отбыл в Антверпен и дальше в Брюссель. Со стрельбой из пушек тоже не все вышло гладко. Не обошлось без маленького закулисного инцидента: городская управа Флиссингена почувствовала себя задетой тем, что уполномоченные советники провинциальных штатов обратились напрямую к коменданту местной крепости майору де Ла Року, поручив ему подготовить пушку к салюту в честь Его Царского Величества. Городская управа письменно пожаловалась на то, что ее не поставили в известность, и в весьма резком тоне потребовала, чтобы власти провинции все распоряжения, касающиеся того, что должно произойти в городе, отдавали «по обычному каналу (*door het ordinaire canael*)», не подрывая «законный авторитет» муниципалитета¹⁵².

В своей книге о путешествиях Петра в Голландию Якоб Схелтема пишет, что, посещая Зеландию, царь «нашел в Валхерене на одном постоялом дворе хорошо написанное и очень верное изображение его лица. Он позволил себе голову вырезать и положить

в мешок. Позднее Екатерина велела обшить ее новым холстом и дописать, и эта картина еще в 1799 г. хранилась в Москве»¹⁵³. Схелтема отмечает также, что остров Валхерен Петр тщательно осмотрел. А из переписки провинциальных штатов Зеландии с магистратом города Вере можно понять, что высокий гость побывал и там. На сайте старинной гостиницы «Оберж Де Кампверсе Торен» в Вере утверждается, что в 1717 г. ее посетил Петр Великий¹⁵⁴. Не там ли он увидел свой портрет? Точных сведений об этом нет, но, по предположению городского гида Яна Мидавэна, местные власти порекомендовали приехавшему в Вере царю победать или просто перекусить в этой принадлежавшей городу гостинице. Согласно «*Новой хронике Зеландии*» Маттеюса Смаллеганге (1696), гостиница предназначалась в первую очередь для особ значительных, важных¹⁵⁵.

Самый впечатляющий след от пребывания Петра в Зеландии связан с его встречей с одним из высших должностных лиц Мидделбюрга Йоханом Стейнграхтом (1692–1743), который также управлял там отделением Ост-Индской компании. Из протоколов зеландского адмиралтейства за 3 апреля 1717 г. видно, что Стейнграхт входил в делегацию из четырех человек, которой предстояло официально приветствовать Его Величество¹⁵⁶. Через год он будет избран пенсионарием Мидделбюрга. Стейнграхт, кроме всего прочего, писал стихи и в том же 1717 г. издал их в Лейдене в виде сборника «*Поэтические досуги*»; в 1728-м сборник был переиздан. В своем обзоре ученых людей Зеландии его друг и соиздатель сборника Питер де ла Рю о Стейнграхте даже не упоминает¹⁵⁷, а в наши дни «*Энциклопедия Зеландии*» называет этот сборник «свидетельством маловпечатляющего стихотворного таланта» его автора¹⁵⁸. Однако для нас важно, что среди стихов Стейнграхта одно посвящено визиту Петра в Зеландию. Неясно, декламировал ли автор эти вирши в присутствии самого царя. Быть может, он сочинил их позднее.

В стихотворении «*Царь в Зеландии*» Стейнграхт восхваляет Петра, путешествующего по чужим краям, дабы улучшить жизнь своих подданных:

«...Пусть льдами скована природа —
К поездкам страсть сильнее их
И к нашим берегам приводит
На благо подданных твоих.
Сам царь их учит, просвещает,
В науках шлифовать спешит,
Какие первым постигает
Тот, кто над всей страной царит».

Петр жадно познает мир, это его новые знания и реформы преобразили Россию и прославили ее:

«Что видит — сам все изучает.
Доступно все его уму,
Все мощный дух его вмещает!
ЦАРЮ, Россия, своему
Обязана ты новой славой
И тем, что вся Европа льстит
Забытой некогда державе,
И преклоняется, и чтит».

Автор гордится тем, что такой великий человек побывал в его родной Зеландии:

«... Большой радости зеландцы
Еще не знали никогда.
Ведь честь нам выпала и счастье,
Приветствовать нам довелось
Держателя столь мощной власти,
Тебя, наш венценосный гость».

Русский царь, воюющий не только со шведами, но и с врагами христианства — турками, заслуживает самых дружеских чувств:

«То чувство дружбы, что питаем
К тебе, Монарх, пусть навсегда
Между тобой и нашим краем
Пребудет. Пусть раздор, вражда
Не сломят нашего союза.
Сей дружбы нерушимы узы!»¹⁵⁹

Примечания

1. Дневник... // Архив князя Ф.А. Куракина. Т. I. С. 2—3.
2. Вероятно, деревня Гюхум (Gyhum) между Гамбургом и Бременом. На нижненемецких диалектах ее название произносится как «Йем».
3. Прусский город в пограничной области Эмсланд.
4. РГАДА. Ф. 50. Оп. 2. 1716 г. № 2а. Л. 87-87об.
5. Там же. № 5. Л. 117—118об.
6. Там же. № 4. Л. 286—286об.
7. Сборник выписок из архивных бумаг. Т. II. С. 25.
8. Resolutien van de Hoogh Mogende Heeren Staten Generael... Genomen in den jare 1716 (NA. Nr. 1.01.02/3771. P. 1039).
9. Archief van het stadsbestuur Amersfoort, 1300—1810. Nr. 445.
10. Europische Mercurius. November 1716. P. 283.

11. *Hamburger Relations-Courier*. 13. Juli 1717 (цит. по: *Blome A.* Das deutsche Rußlandbild. S. 333).
12. *Blome A.* Das deutsche Rußlandbild. S. 336.
13. *Europäische Fama*, 1717. S. 785.
14. *De briefwisseling van Anthonie Heinsius*. Deel XVIII. P. 110.
15. *Ibid.* P. 84–85.
16. *Ibid.* P. 63.
17. *Ibid.* P. 92.
18. РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Оп. 1. № 11. 1717 г. Л. 71–72.
19. *Archives du Ministère des Affaires Étrangères et Européennes (Paris)*. Correspondance politique. Hollande 1716–1717. Vol. 313.
20. *National Archives (Kew Gardens, London)*. State Papers. Foreign. Holland 1560–1780. SP 84. Fol. 70.
21. *Ibid.* Fol. 84. Это донесение составлено на французском языке, который британские дипломаты при Георге I использовали часто, так как этот первый король из Ганноверской династии английского практически не знал.
22. *Ibid.* Fol. 278.
23. *Resolutien van de Heeren Staaten van Hollandt ende Westvrieslandt* (SAA 5038. Nr. 151. P. 748).
24. *Resolutien van de Hoogh Mogende Heeren Staten Generael... Genomen in den jare 1716* (NA. Nr. 1.01.02/3771. P. 931, 938).
25. Этот британский титул голландский аристократ получил, будучи давним советником и другом stadхаудера Республики Соединенных Провинций Вильгельма III Оранского, вместе с которым он в 1688 г. отправился в Лондон, когда Вильгельм стал королем Англии. После смерти короля (1702) граф Албемарл возвратился в Голландию.
26. *Resolutien van de Heeren Staaten van Hollandt ende Westvrieslandt* (SAA 5038. Nr. 151. P. 748).
27. *Gebhard J.F.* Het leven van Mr. Nicolaas Cornelisz. Witsen. T. I. P. 514.
28. *De briefwisseling van Anthonie Heinsius*. Deel XVIII. P. 100–101.
29. *Гистория свейской войны*. С. 611.
30. *De briefwisseling van Anthonie Heinsius*. Deel XVIII. P. 111–112.
31. *Stadsarchief en Athenaeumbibliotheek Deventer, archief Republiek*. ID 0691. Nr. 4.26, *Resolutiën van Schepenen en Raad 1716–1721* (этими сведениями я обязан заведующему Городским архивом в Девентере Клеменсу Хогенстейну).
32. NA 3.01.19 / Nr. 1974.
33. *Гистория свейской войны*. С. 611.
34. *De briefwisseling van Anthonie Heinsius*. Deel XVIII. P. 114.
35. *Гистория свейской войны*. С. 611.
36. *De briefwisseling van Anthonie Heinsius*. Deel XVIII. P. 114.
37. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена. С. 71.
38. Там же. С. 71–72.
39. *De briefwisseling van Anthonie Heinsius*. Deel XVIII. P. 117.

40. Ibid. P. 116.
41. Гистория свейской войны. С. 611. Почти все имена в этом тексте искажены. Речь шла о графе Албемарле, Хофте, Репеларе и Ван Кинсхоте.
42. Походный журнал 1716 года. С. 102.
43. De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 117–118.
44. *Vlaardingerbroek P.F.* Het paleis van de republiek. P. 11.
45. Дневник... // Архив князя Ф.А. Куракина. Т. I. С. 131.
46. *Vlaardingerbroek P.F.* Het paleis van de republiek. P. 12.
47. Эту информацию нам любезно предоставил Игорь Владимирофф.
48. *Wagenaar J.* Amsterdam in zyne opkomst... Vol. I. P. 731.
49. *Europische Mercurius.* 1716. Vol. II. P. 313.
50. *Scheltema J.* Peter de Grote. Vol. II, 1814. P. 12–13.
51. Походный журнал 1716 года. С. 103.
52. *Bruin de C.* Reizen over Moskovie. P. 42.
53. *Albach B.* Drie eeuwen 'Gijsbreght van Aemstel'. P. 45.
54. De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 119.
55. В 1996 г. в Амстердаме вышла детская книга Аренда ван Дама «Петр, царь Каттенбургский» — о первом приезде русского монарха в эту страну (*Dam van A.* Peter, de tsaar van Kattenburg. Amsterdam, 1996).
56. Походный журнал 1716 года. С. 103.
57. *Jeeninga W.* Het Oostindisch Huis en het Sint Jorishof te Amsterdam. P. 26.
58. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена. С. 72–73.
59. Там же. С. 92.
60. *Beschryving der nieuwljiks uitgevonden en geotrojeerde slang-brand-spuiten...* Amsterdam, 1690.
61. *Scheltema J.* Rusland en de Nederlanden. Vol. II. P. 222.
62. *Scheltema J.* Peter de Grote. Vol. II, 1814. P. 14.
63. *Göbel H.* Wandteppiche. I. Teil. Die Niederlande. S. 534.
64. Походный журнал 1716 года. С. 103. Фамилии Dik(k)ermon в генеалогическом банке данных Нидерландов нет. Возможно, это искаженная форма голландской фамилии Dekkerman или Deckerman или же речь шла о купце иностранном. В оксфордском справочнике фамилии Dickman и Dickerman названы еврейскими (*Hans P., Hodges F.* A Dictionary of Surnames. Oxford, 1991. P. 146).
65. *Bijtelaar B.* De Zingende Torens van Amsterdam. P. 153.
66. *Пре́йс [Й.Ф.]* Извлечение из донесений... С. 4–5.
67. «Его Величество недомогал» (Походный журнал 1716 года. С. 105); «В генваре месяце его величество был в Амстердаме болен» (Гистория свейской войны. С. 611).
68. *Nomen J.C.* Het journaal van Jan Cornelisz Nomen. P. 258.
69. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена. С. 74.
70. *Scheltema J.* Peter de Grote. Vol. II, 1814. P. 12–13.
71. Archives du Ministère des Affaires Étrangères et Européennes (Paris). Correspondance politique. Hollande 1716–1717. Vol. 313. Fol. 269. Есть

- лишь один источник, в котором утверждается, что встреча не состоялась не из-за болезни Петра и не из-за нежелания британского короля из Ганноверской династии его принимать, а по причине недовольства царя тем нелюбезным приемом, который был оказан его послу в Ганновере и неприятностями во время проезда царицы Екатерины через эту территорию (Братья Олсуфьевы. С. 25).
72. National Archives (Kew Gardens, London). State Papers. Foreign. Holland 1560–1780. SP 84. Fol. 90.
 73. В 1715 г. Луи Ренар издал «Атлас мореплавания и торговли по всему миру...», включавший в себя также карту «*Russiae et Novae Zemblae Maritimae*».
 74. Цит. по: *Копанев Н.А.* Письмо голландского издателя о «болезни» Петра Великого. С. 96–101.
 75. *Europische Mercurius*. December 1716. P. 313.
 76. *Ibid.*, 1717. P. 41.
 77. *Ibid.*, 1717. P. 77. В газете ошибка: ребенок умер не в тот же день, а на следующий.
 78. История свейской войны. С. 611.
 79. Письма русских государей... Т. I. С. 57.
 80. Согласно расходной книге царя, это был доктор Платман (Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Первом. Т. II. С. 55, 78). Платман получил за свои услуги 48 гульденов и, сверх того, 200 русских червонцев.
 81. См. статьи о Лестоке в «Русском биографическом словаре» и энциклопедии «Три века Санкт-Петербурга».
 82. Как известно, Петр страдал сифилисом.
 83. Письма русских государей... Т. I. С. 58.
 84. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Первом. Т. II. С. 54.
 85. Письма русских государей... Т. I. С. 59.
 86. Письма русских государей... Т. I. С. 60.
 87. *De briefwisseling van Anthonie Heinsius*. Deel XVIII. P. 159.
 88. Полное собрание законов Российской империи. № 3059.
 89. *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого... Т. V. С. 254–255.
 90. Архив князя Ф.А. Куракина. Т. II. С. 126. Оригинал находится в РГАДА (Ф. 50. Оп. 1. 1717 г. № 1. Л. 5).
 91. *Resolutien van de Hoogh Mogende Heeren Staten Generael... Genomen in den jare 1717* (NA. Nr. 1.01.02/3772. P. 62).
 92. В собственноручной записке Петра «О тяжких обидах нанесенных нам от дворов Ганноверскаго и Английскаго» он называет «господ Ганноверцев» «убийцами царевича Павла Петровича» (Братья Олсуфьевы. С. 23. См. также: *Брикнер А.* История Петра Великого. Т. II. С. 150.). Однако в подробном труде Вальтера Медигера (*Mediger W.* Mecklenburg, Rußland und England-Hannover 1706–1721. Ein Beitrag zur Geschichte des Nordischen Krieges. Bd. 1–2. Hildesheim, 1967) нет никаких упоминаний о том, что Петр в чем-либо упрекал Ганноверскую династию или считал

- «ганноверцев» виновными в смерти царевича (этими сведениями я обязан Михаэлю Шиппану).
93. Scheltema J. Rusland en de Nederlanden. Vol. II. P. 6.
 94. De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 197.
 95. Riksarkivet (Stockholm). Hollandica, 341–342 (цит. по: *Брикнер А.* Путешествия Петра Великого. С. 625).
 96. РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Оп. 1. № 11. 1717 г. Л. 12.
 97. Гистория свейской войны. С. 611–612.
 98. De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 158.
 99. Походный журнал 1717 года. С. 1.
 100. Дочь судьи-купца в Нарве, которую в свою время русские захватили в качестве трофея при взятии этого города, Анна Крамер попала к генералу Апраксину, а затем ко двору в Петербург. Став камер-юнгферой Екатерины, сопровождала ее в заграничном путешествии и оставалась с ней в Голландии, пока Петр ездил во Францию. Когда год спустя злосчастный царевич Алексей скончается в Петропавловской крепости от последствий допроса, т.е. от пыток, именно Анне Крамер приказано обмыть и одеть его тело.
 101. *Leer van der K.* Huizen tussen Hofwijck en Middenburg. P. 4–29.
 102. *Europische Mercurius.* Maart 1717. P. 203.
 103. Этими разъяснениями я обязан Кейсу ван дер Лейру.
 104. *Resolutien van de Hoogh Mogende Heeren Staten Generael... Genomen in den jare 1717* (NA. Nr. 1.01.04/3772).
 105. *Europische Mercurius*, 20 maart 1717.
 106. Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 23–24.
 107. *Droste C.* Overblyfsels van Geheugchenis. P. 232.
 108. *Ibid.*, P. 233.
 109. Коллегия уполномоченных советников в Гааге, подчинявшаяся провинциальным штатам Голландии, осуществляла повседневное управление провинцией.
 110. *Майков Л.Н.* Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 96.
 111. *Scheltema J.* Peter de Grote. Vol. II, 1814. P. 29.
 112. *Nieuw Nederlandsch Biografisch Woordenboek.* Deel VI. Leiden, 1924. P. 718.
 113. Эту гипотезу мне предложил Ренолд Хювел. См.: *Huwel R.* Magnetiet. P. 33–44.
 114. Походный журнал 1717 года. С. 3.
 115. Гистория свейской войны. С. 612.
 116. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Первом. Т. II. С. 57.
 117. *Scheltema J.* Rusland en de Nederlanden. Vol. III. P. 360–362.
 118. *Гузевич Д., Гузевич И.* Великое посольство. С. 206.
 119. В описании архива Бургаве в Петербурге также нет указаний на то, в каком году Петр познакомился с этим выдающимся врачом (О науке и ученых. Архив Бургаве в Военно-медицинской академии. СПб., 2003. С. 8–13).

120. Естествоиспытатель Волферд Сенгверд (1646—1724) был профессором Лейденского университета.
121. *Fabricius F.* Redenvoering over de hondert en vyftigste verjaardag... P. 54—55.
122. *Meerman de J.* Discours sur le premier voyage de Pierre le Grand. P. 69.
123. Это высказывание буквально, по-нидерландски, процитировано в книге Якоба фон Штелина (*Stählin von J.* Originalanedoten von Peter dem Großen. S. 180).
124. Stadsarchief Rotterdam. Extract uit de Missiven aan Burgemeesteren van 1714—1719. Nr. 24.
125. *Europische Mercurius*, 1717. P. 253.
126. Гистория свейской войны. С. 612.
127. Stadsarchief Rotterdam. Extract uit de Resolutiën van de Vroedschap. Reg. Nr. 30. Fol. 223, 231.
128. *Scheltema J.* Rusland en de Nederlanden. Vol. III. P. 363.
129. *Scheltema J.* Peter de Grote. Vol. II, 1814. P. 30.
130. Это письмо опубликовано в кн.: *Scheltema J.* Rusland en de Nederlanden. Vol. III. P. 450—453 (см. также: *Scheltema J.* Czaar Peter's verblijf te Rotterdam...). Остается неясным, тот ли это Ян ван Леуэн, который с 1695 по 1744 г. был издателем в городке Тил и опубликовал, в частности, книгу о посольстве в Китай (*Brand A., Ludolf H.W.* Seer aenmercklijke land- en waterreys, onlanghs gedaen van 't gesantschap sijner tegenwoordigh-regeerende Czaarsche Majesteyt uyt Muscouw na China... Tiel, Jan van Leeuwen, 1699).
131. *Meiden van der G.W.* Rivalen in roem. P. 85 (без указания источников).
132. Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien. Russland I. Karton 24. Konvolut III. Petersburg, 4. Juni 1717. Fol. 21r.—22v. (на этот источник мне любезно указала Искра Шварц).
133. *Павленко Н.И.* Екатерина I. С. 24.
134. Там же. С. 212.
135. Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова. Т. 3. С. 76.
136. *Reis-Boek door de Vereenigde Nederlandsche Provinciën*. P. 193, 195, 197.
137. Адмиралтейство провинции Зеландия заранее предоставило всем городам, которые должен был проехать царь (Флиссинген, Гус, Мидделбург, Зирикзе и Вере), достаточный запас пороха для приветственных залпов. Документ о выдаче городскими властями Мидделбюрга 800 фунтов пороха экипажмейстеру Яну ван Ройену «для приветствия царя Великой России, когда он прибудет» (*Notulen van de gescommitteerde raden der admiraliteit in Zeeland*. Nr. 2541) можно посмотреть на микрофише в читальном зале Зеландского архива в Мидделбюрге (этими сведениями я обязан Яну Мидавэну).
138. Зеландский адмирал-лейтенант Гелейн Эвертсен (1655—1721) участвовал еще в 1672—1674 гг. в Третьей голландско-английской войне, затем воевал вместе с англичанами против Франции, а в 1700 г. командовал флотом, блокировавшим так называемых «дюнкеркских

- пиратов». Представитель целой династии голландских флотоводцев, он мог Петру многое рассказать и объяснить.
139. Гистория свейской войны. С. 613.
 140. *Europische Mercurius*, 1717. P. 253.
 141. Цит. по: *Fret P. Peter de Groote te Vlissingen*. P. 138.
 142. *Perry J. The State of Russia, under the Present Czar*. London, 1716.
 143. Zeeuws Archief. Archief van de Staten van Zeeland. Toegangsnummer 2.1. Nr. 2216.1.
 144. Соответствующий документ, относящийся к провинции Голландия, см.: SAA 5029. Nr. 149. Archief van de burgemeesters: missiven en notulen van gedeputeerden ter dagvaart. Niet genummerd, d.d. 24 december 1716.
 145. Zeeuws Archief. Archief van de Staten van Zeeland. Toegangsnummer 2.1. Nr. 725. Resoluties van de Staten van Zeeland, 2–15 april 1717.
 146. Zeeuws Archief. Stadsarchief Veere. Toegangsnummer 2000. Ingekomen stukken bij het stadsbestuur (1717). Nr. 206. Документ этот нашел и сообщил мне о нем Ян Мидавэн, гид в городе Бефе.
 147. Gemeentearchief Vlissingen. Familiearchief Mauritz. Nr. 4982.
 148. Gemeentearchief Vlissingen. Extracten uijt de Rekening der Stad Vlissingen. Nr. 4955.
 149. Zeeuws Archief. Stadsarchief Veere. Register van brieven geschreven bij de Heeren Burgemeesters en Regeerders der Stadt Vere, als mede bij het collegie van wette der selver stadt, beginnende met den 7 januari 1702 en eyndigende met den 13 november 1717. Nr. 152. Fol. 173v.
 150. Zeeuws Archief. Rekenkamer B. Toegangsnummer 508. Nr. 2240, 2243.
 151. Ibid. Nr. 2243.
 152. Zeeuws Archief. Archief van de Staten van Zeeland. Ingekomen stukken. Nr. 1022. Этот документ также нашел для меня Ян Мидавэн.
 153. *Scheltema J. Peter de Grote*. Vol. II, 1842. P. 25. Источником ему послужила книга Йохана Меймана (*Meerman J. Eenige berichten omtrent het Noorden en Noord-Oosten van Europa*. 's-Gravenhage, 1805. Vol. IV. P. 112), в которой говорится об «одном постоялом дворе в Голландии».
 154. Этой информацией я обязан своей коллеге по Лёвенскому Католическому университету Лин Верпуст.
 155. *Smallegange M. Nieuwe Cronyk van Zeeland*. P. 584.
 156. Zeeuws Archief. Notulen van de gecommitteerde raden der admiraliteit in Zeeland. Nr. 2541.
 157. *De la Rue P. Geletterd Zeeland*. Middelburg, 1734. Питер де ла Рю подробно рассказывает о Йохане Стейнграхте-старшем, отце стихотворца, заслуженном юристе и теологе (Ibid. P. 94–99), но о его сыне не говорит ни слова.
 158. *Encyclopedie van Zeeland*. Deel III. P. 127.
 159. *Steengracht J. Dichtlievende Tydkorting*en... P. 357–360.

ELOGE HISTORIQUE
DE
PIERRE LE GRAND
CZAR.
EMPEREUR DE TOUTES LES RUSSIES.

PAR
Guillaume L E F E B U R E
Baron de St. ILDEPHONT
Conseiller-Médecin de MONSIEUR, Frère du Roi T. C.
Médecin-Praticien à Amsterdam.

A U T R E C H T,
C H E Z
B A R T H E L E M Y W I L D.
M D C C L X X I I.

*Гильом Лефевюр. Историческая похвала Петру Великому,
всероссийскому императору (Утрехт, 1772)*